

A romantic couple is walking away from the viewer through a sunlit vineyard. The woman is wearing a long, flowing white dress with a low back, and the man is wearing a light-colored suit. They are holding hands. In the background, a large, multi-story stone villa with a red-tiled roof sits atop a hill. The sky is a warm, golden color, suggesting late afternoon or early morning. The overall mood is romantic and idyllic.

Альбина Емцева

**Северный шёлк
и южное вино**

Альбина Емцева

Северный шёлк и южное вино

<https://litres.ru/73801111>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ада России родилась в маленькой деревушке Нессо на озере Комо. Она привыкла работать с пятнадцати лет и не ждать подарков от судьбы. Но одна случайная встреча переворачивает всё.

Казалось бы, вот оно — счастье. Особенно, когда появляется он — красивый, как из сказки, итальянский граф, готовый носить её на руках. Но у сказки оказывается другая сторона. И однажды Аде предстоит сделать самый трудный выбор: сдаться или бороться за право быть счастливой по-настоящему.

Это история о том, как не потерять себя, когда теряешь всё. И о том, что настоящая любовь приходит тогда, когда её совсем не ждёшь.

Вопрос: чем платят за успех, когда на кону не только карьера, но и жизнь?

Альбина Емцева Северный шёлк и южное вино

Северный шёлк, южное вино

Глава 1. Четыреста лир

Осень 1997 года. Нессо, озеро Комо

Утренний туман стелился по озеру так низко, что казалось, будто вода исчезла, и мир за окном стал белым, бесконечным, ничьим. Ада смотрела на это белое молоко за стеклом и думала о том, как странно устроена жизнь: озеро здесь всегда, оно никуда не уходит, даже когда его не видно. Оно просто ждёт, когда туман рассеется, чтобы снова появиться серое, спокойное, вечное.

Она лежала в своей кровати, втиснутой в угол маленькой комнаты, которую делила с Мартиной. Сестрёнка ещё спала, раскинув руки, приоткрыв рот, и тихо посапывала. Старый плюшевый заяц с оторванным ухом валялся на полу видимо, ночью Мартина его сбросила во сне. Ада улыбнулась, глядя на сестру, и осторожно встала, стараясь не скрипеть половицами.

Пол был холодным даже сквозь шерстяные носки чувствовался каменный холод, идущий снизу. Дом был старым, дедовским, сложенным из камня ещё в те времена, когда никто не думал об утеплении. Стены вечно сырели, по углам иногда появлялась плесень, которую мать выводила уксусом. Но это был их дом. Единственный, что у них был.

Ада накинула старенький халат, запахлась поплотнее и вышла на кухню. Мать уже стояла у плиты — худенькая, в цветастом фартуке, завязанном поверх ночной рубашки. Она помешивала что-то в кастрюльке, и по кухне плыл запах

кипятка и цикория. Настоящего кофе в доме не было уже две недели.

— Buongiorno, mamma, — тихо сказала Ада, подходя и целуя мать в щёку.

— Buongiorno, tesoro, — мать обернулась и улыбнулась той самой улыбкой, которая делала её красивой, несмотря на морщинки у глаз и седину, пробивающуюся в тёмных волосах. — Рано встала. Могла бы поспать ещё.

— Я в пекарню. Синьор Марио просил прийти пораньше, сегодня завоз муки, надо помочь разгрузить.

Мать вздохнула, покачала головой:

— Семнадцать лет, а ты уже как взрослая. Я бы хотела, чтобы ты училась, а не мешки таскала.

— Учиться я тоже успею, мам. А мешки сами себя не разгрузят.

Ада налила себе кружку кипятка, добавила цикория, размешала. Напиток был бледным, горьковатым, совсем не похожим на кофе, но горячим — и ладно. Она пила маленькими глотками, глядя в окно на туман, который начинал понемногу редеть, открывая серую гладь озера.

В комнате завозился Маттео. Через минуту он выбежал на кухню — вихрастый, сонный, в пижаме на размер больше, чем надо.

— Ада! — закричал он и повис у неё на шее. — Ты куда?

— На работу, маленький. А ты спи ещё.

— Не хочу спать. Хочу с тобой.

— Со мной нельзя. Ты маленький ещё.

— Я сильный! — Маттео надулся и показал бицепс, которого не было.

Ада рассмеялась, чмокнула его в макушку:

— Сильный, конечно. Вот вырастешь — будешь мне помогать. А пока слушайся маму.

Она допила свой цикорий, надела старенькую куртку — единственную, купленную три года назад на барахолке в Комо, с потёртыми локтями и пятнами, которые не отстирывались, — и вышла.

Улицы Нессо — это бесконечные лестницы. Деревня прилепилась к скале, дома гнездились как ласточкины гнёзда, и чтобы попасть из одной части в другую, надо было то подниматься, то спускаться по крутым каменным ступеням, выбитым в скале ещё неизвестно когда. Ада бежала вниз, перепрыгивая через две ступеньки, как делала это каждое утро с тех пор, как научилась ходить.

Внизу, у самой воды, стояла пекарня синьора Марио. Оттуда уже доносился запах свежего хлеба — такой густой, тёплый, обещающий, что у Ады даже голова закружилась. Она толкнула дверь и вошла.

Синьор Марио — огромный мужчина с большими руками и добрыми глазами — как раз выгружал из печи противень с хрустящими багетами.

— Ада! — прогудел он. — Пришла моя спасительница. Поможешь?

— Конечно, синьор Марио.

Она скинула куртку, завязала фартук и принялась за работу. Мешки с мукой были тяжёлыми, по десять килограммов, но Ада привыкла. Она таскала их с пятнадцати лет, спина не жаловалась, руки привыкли. Синьор Марио смотрел на неё с уважением:

— Другая бы на твоём месте ныла, а ты работаешь как взрослая. Горжусь тобой.

— Спасибо, синьор Марио.

— Когда закончишь, заberi хлеб для семьи. Я отложил две буханки — одну белую, одну с отрубями и булочки для детишек. Бесплатно.

Ада улыбнулась. Синьор Марио был добрым человеком. Он знал, что у них туго с деньгами, и всегда угощал.

Через два часа, уставшая, но довольная, она бежала обратно с двумя тёплыми буханками и булочками под мышкой. Туман почти рассеялся, озеро открылось во всей своей осенней красе — серо-голубое, тяжёлое, с белыми барашками волн. Где-то кричали чайки, дрались из-за рыбы. Пахло водой и водорослями.

Дома её ждал завтрак. Мать нарезала хлеб, намазала маргарином — масло было роскошью, которую позволяли раз в неделю, по воскресеньям. Мартина и Маттео уже сидели за столом, болтали ногами и ждали.

— Ешьте быстро, в школу опоздаете, — сказала мать, разливая по кружкам тот же цикорий.

После завтрака Ада собрала рюкзак, и они с Мартиной и Маттео вышли из дома. Она довела их до школы и сада, сдала с рук на руки учительнице и воспитательнице, побежала дальше в лицей, который находился в соседнем городке, в двадцати минутах автобусом.

Автобус был старым, дребезжащим, с продавленными сиденьями и вечно запотевшими окнами. Ада села у окна, смотрела, как проплывают мимо деревушки, прилепившиеся к скалам, как озеро то открывается, то скрывается за поворотами. Думала о своём.

В лицее были дети из разных деревень, все свои, все из таких же семей, где денег вечно не хватает. Но всё равно она чувствовала себя чужой. Высокая, худая, с длинными руками и ногами, которые вечно не знаешь, куда деть. В компании девчонок она торчала как колокольня над сараями. На физкультуре её ставили в начале шеренги, потому что выше неё никого не было. Парни не приглашали танцевать — стеснялись, что она выше.

— Ада, ты идеальная кандидатура для баскетбольной команды, — сказал как-то учитель физкультуры. — Рост, длинные руки. Будешь звездой.

— Я не хочу быть звездой, — ответила она тогда. — Я хочу, чтобы меня никто не замечал.

Но сегодня был обычный день. Лекции по литературе — Ада любила литературу, синьора Моретти всегда хвалила её сочинения. Потом математика — скучно, цифры не её. По-

том обед в столовой — макароны с дешёвым соусом, хлеб и яблоко. Ада ела медленно, растягивая удовольствие.

После обеда к ней подошла синьора Моретти.

— Ада, можно тебя на минуту?

— Да, синьора.

Они вышли в коридор. Учительница смотрела на неё внимательно, изучающе.

— У тебя большие способности к языкам, Ада. Твои сочинения лучшие в классе. Ты думала об университете?

Ада пожала плечами:

— У нас нет денег, синьора.

— Можно получить стипендию. Я могла бы помочь с документами, с рекомендациями. Ты умная девочка, Ада. Нельзя закапывать талант в землю.

Ада смотрела на неё и видела в глазах учительницы искреннее желание помочь. Но как объяснить, что даже со стипендией надо жить в Милане, снимать комнату, покупать книги, одежду, еду? Что мать без неё не справится с младшими, что отец работает до седьмого пота, а денег всё равно не хватает?

— Спасибо, синьора. Я подумаю.

— Подумай, Ада. Не отказывайся сразу. Такие шансы выпадают раз в жизни.

Весь остаток дня Ада думала об этом. О Милане, об университете, о другой жизни. А потом вспомнила протекающую крышу, мать с её вечной усталостью, Мартину, кото-

рой нужны новые туфли, Маттео, который донашивает всё за ней. И поняла, что никакого Милана не будет. Не сейчас. Может быть, никогда.

После школы она побежала в бар синьоры Розы. Бар находился на главной улице, у причала, где летом швартовались туристические лодки. Осенью туристов почти не было, но местные заходили выпить кофе, сыграть в карты, обсудить новости.

Синьора Роза встретила её привычным кивком:

— Ада, мой руки и в зал. Столы грязные.

Ада завязала фартук, взяла тряпку и принялась вытирать столы. Работа была привычной, механической, позволяла думать о своём. Она думала об университете, о синьоре Моретти, о стипендии. А потом услышала, как мужики за стойкой обсуждают новости.

— Слышали? У синьоры Маркези новый костюм. Говорят, сама в Милане шила.

— В Милане? — усмехнулся другой. — Да у нас свои швеи есть. Вон, синьора Бьянки шьёт не хуже.

— А синьора Маркези говорит, что у Бьянки брак вышел. Платить не хочет.

Ада замерла с тряпкой в руке. Синьора Маркези та самая заказчица, для которой мать две недели не спала, переделывала костюм три раза, ездила на примерки в Комо за свой счёт. Та самая, которая обещала заплатить хорошо.

— Сколько должна? — спросил кто-то.

— Четыреста вроде. Не хочет платить, говорит, брак.

У Ады внутри всё оборвалось. Четыреста лир. Это два месяца их жизни. Это крыша, которую можно починить. Это туфли Мартине. Это куртка Маттео на зиму. Это лекарства для бабушки, которой мать каждый месяц отправляет деньги.

Она доработала смену как в тумане, а вечером, когда вернулась домой, застала мать на кухне. Та сидела за столом, сгорбившись, и смотрела в одну точку. Перед ней лежало письмо.

— Мам?

Мать подняла глаза. Они были красными.

— Ада... доченька...

— Я знаю, мам. Я слышала в баре.

Она подошла, села рядом, взяла мать за руку. Рука была тёплой, но шершавой от иголок, от ткани, от вечной работы.

— Не хочет платить, — тихо сказала мать. — Говорит, брак. А я сто раз проверяла, Ада. Костюм идеальный. Она просто решила сэкономить.

— Ты можешь в суд подать?

— Кому я нужна в суде? Швея из деревни против богатой синьоры? У неё адвокаты, связи, деньги. А у нас...

Она не договорила. Ада сама знала, что у них.

Вечером пришёл отец. Уставший, с серым от цементной пыли лицом, в пропахшей потом куртке. Мать рассказала ему. Он молча выслушал, потом так же молча сел за стол,

налил себе дешёвого вина и долго смотрел в стакан.

— Пап, — тихо сказала Ада. — Ты ничего не скажешь?

Он поднял на неё глаза — усталые, выцветшие, с красными прожилками.

— А что говорить, дочь? Такая жизнь.

— Это несправедливо!

— Справедливости в жизни мало. Ты ещё молодая, не знаешь.

Ада сжала кулаки под столом. Нет, она не согласна. Не может быть, чтобы ничего нельзя было сделать. Чтобы какая-то богатая стерва могла просто взять и украсть у них четыреста лир, потому что у неё есть связи и деньги.

Ночью она лежала без сна. Мартина сопела рядом, прижимая к себе зайца с оторванным ухом. За стеной тихо переговаривались родители, где мать плакала, отец утешал. Вода за окном шумела, как всегда, напоминая, что время идёт, ничего не меняется.

И вдруг Ада вспомнила.

Визитка.

В тот день она стояла за стойкой бара синьоры Розы и протирала стаканы. Работа механическая, позволяющая думать о своём. За окном моросил дождь, по стеклу стекали мутные струйки, туристов не было, только местные заходили изредка выпить кофе, переждать непогоду.

В бар вошёл мужчина.

Ада подняла глаза и сразу поняла: не местный. Слишком

свободная одежда, слишком расслабленная походка, слишком длинные волосы, собранные в хвост. Чёрная кожаная куртка, потёртые джинсы, на шее фотоаппарат, дорогой, сразу видно. Он сел за столик у окна, положил фотоаппарат перед собой и оглядел зал.

— Buongiorno, — сказал он, когда Ада подошла с блокнотом. — Un caffè, per favore.

— Subito.

Она принесла кофе. Он поблагодарил и снова уставился в окно. Ада вернулась за стойку и продолжила протирать стаканы. Дождь всё моросил.

Через полчаса, когда она вышла в зал, чтобы протереть соседние столики, он вдруг заговорил:

— Ciao.

— Ciao, — ответила Ада, не поднимая глаз.

— Сколько тебе лет?

Она подняла голову. Он смотрел на неё странно — не так, как местные мужики, которые раздевали глазами, и не так, как туристы, которые смотрели сквозь, как на часть пейзажа. Он смотрел изучающе, как будто видел в ней что-то, чего не видели другие.

— Семнадцать.

— Работашь здесь?

— Иногда.

— А в школе учишься?

— Учусь.

Он кивнул, отхлебнул кофе. Помолчал. Потом достал из кармана визитку и протянул ей.

— Меня зовут Риккардо. Я фотограф. Ищу новые лица для модельных агентств.

Ада взяла визитку, повертела в руках. "Riccardo Belli, fotografo. Milano". На визитке был номер телефона и адрес студии. Она хмыкнула и протянула обратно.

— Вы ошиблись, синьор.

— Почему?

— Посмотрите на меня. — Она обвела рукой свою фигуру. — Я худая, длинная, лица нет. Какая из меня модель?

— А ты посмотри на меня, — он не улыбался. — Я тебе говорю: есть лица, за которые платят. И твоё — одно из них.

Ада хотела рассмеяться ему в лицо. Вспомнила, как в школе её дразнили "спилоньей" — дылдой. Как девчонки шептались за спиной: "Такая тощая, что рёбра считать можно". Как парни не приглашали танцевать, потому что она выше их всех. И этот человек говорит, что её лицо — товар?

— Вы надо мной смеётесь?

— Нисколько. — Он был абсолютно серьёзен. — В модельном бизнесе, девочка, ценятся не стандартные красотки. Их много, они как пластик, одинаковые. Ценятся лица с характером. С изюминкой. С породой. А у тебя это есть.

— Откуда вы знаете? Вы же меня впервые видите.

— Я фотограф. Это моя работа — видеть.

Он допил кофе, встал, оставил на столе несколько монет.

— Подумай. Если решишься — позвони. Сделаю пробные снимки бесплатно. Ничего не теряешь.

И ушёл, не прощаясь. Ада осталась стоять с визиткой в руке, глядя ему вслед.

Весь остаток дня она думала об этом странном разговоре. Протирала стаканы и представляла себя на обложке журнала. Смешно. Глупо. Девчонка из Нессо, из нищей семьи, с лицом, которое в деревне считают некрасивым, — и вдруг модель.

Но визитку не выбросила. Сунула в карман фартука, потом, когда пришла домой, переложила в карман куртки. На всякий случай. Просто чтобы была.

Четыреста лир. Крыша, туфли, куртка, лекарства. Мать, которая не будет плакать по ночам. Отец, который сможет хоть иногда отдыхать.

Она зажмурилась и прошептала в темноту:

— Я попробую.

Следующим утром, когда мать ушла в ателье, а младшие в школу и сад, Ада набрала номер.

— Pronto? — ответил мужской голос.

— Синьор Белли? Меня зовут Ада Росси. Мы виделись в баре в Нессо. Вы дали мне визитку и сказали про модельные агентства...

Пауза. Потом голос оживился:

— Ада! Конечно, помню. Девушка с глазами северянки. Ты решилась?

— Я... не знаю. Я просто хочу попробовать. У меня... у нас проблемы с деньгами. Мне нужно заработать.

— Понимаю. Приезжай в Милан. Я дам тебе адрес студии. Сделаем пробные снимки, а там посмотрим. Когда сможешь?

— В субботу. У меня только суббота свободна.

— Хорошо. Записывай адрес.

Она записала дрожащей рукой. Поблагодарила. Положила трубку и долго сидела на диване, глядя в одну точку. Сердце колотилось где-то в горле. Она только что сделала первый шаг в неизвестность.

В субботу она сказала матери, что едет с подругой в Комо, погулять, посмотреть город. Мать только вздохнула: денег на гулянки всё равно нет, но разве ж удержишь молодую? Ада села на автобус и поехала в Милан.

Два часа тряски в старом автобусе, потом электричка, потом ещё автобус. Город встретил её серым небом, мокрым асфальтом и таким количеством людей, что у Ады закружилась голова. Она шла по улице, задрав голову, разглядывая небо-скрёбы, витрины, машины, и чувствовала себя муравьём.

Студия Риккардо находилась на окраине, в старом промышленном здании, переделанном под мастерские. Подъём на грузовом лифте, длинный коридор, дверь с табличкой. Ада постучала.

— Войдите!

Она вошла. Внутри было тесно, завалено каким-то хла-

мом, пахло проявителем и бумагой. Риккардо сидел за компьютером, но увидев её, встал и улыбнулся.

— Ада! Пришла. Молодец.

— Здравствуйте, синьор Белли.

— Просто Риккардо. Садись, рассказывай.

Ада села на табурет, сжала руки в коленях.

— Я не знаю, что рассказывать. Я никогда не фотографировалась. Я вообще не знаю, зачем я здесь.

— Затем, что у тебя лицо, — спокойно сказал Риккардо.

— Лицо, за которое платят. Ты сама это видишь?

— Я вижу длинный нос и тощие скулы.

Он рассмеялся не обидно, а скорее грустно.

— Знаешь, в чём проблема этого места? — он обвёл рукой Милан за окном. — Здесь все хотят быть одинаковыми. А мода любит тех, кто отличается. Встань.

Ада встала. Чувствовала себя ужасно неловко, руки не знали, куда деть.

— Расслабься. Не думай о камере. Думай о чём-нибудь. О чём ты мечтаешь?

— О том, чтобы уехать отсюда, — вырвалось у неё.

— Куда?

— Не знаю. Туда, где не надо считать каждую лиру. Где мама не будет плакать по ночам.

Риккардо кивнул, поднял камеру.

— Хорошо. Представь, что ты уже там. Что ты в другой жизни. Как ты там?

Ада закрыла глаза. Представила море, белый песок, тёплый ветер. Представила, что она не в старых кедах с отклеившейся подошвой, а в красивых туфлях. Что она не "дурнушка", а просто девушка. Красивая девушка.

Щелчок.

— Отлично. Ещё.

Она не знала, сколько прошло времени. Час, два, три. Риккардо щёлкал затвором, просил повернуться, наклонить голову, посмотреть в сторону. Ада перестала стесняться, перестала думать о том, как выглядит. Просто была.

— Всё, — сказал он наконец. — Посмотри.

Он протянул ей мокрые полароидные снимки. Ада смотрела и не узнавала себя. С фотографий на неё глядела незнакомка с глазами, полными тоски и надежды, с лицом, в котором вдруг проступила какая-то порода. Красивая.

— Это я? — прошептала она.

— Это ты, — кивнул Риккардо. — Та, которую вы все там не видите. А мир увидит.

Он отобрал несколько снимков, положил в конверт.

— Поехали. Покажу тебя Бьянке. Она агент, работает в Why Not Milano. Если ей понравится — возьмёт тебя на испытательный срок.

— Прямо сейчас?

— А чего ждать? Время — деньги. Пошли.

Они вышли из студии, поймали такси — Ада впервые в жизни ехала на такси, боялась дышать, чтобы не испачкать

сиденья, — и через двадцать минут были в центре Милана.

Агентство Why Not Milano находилось на Via Sant'Andrea, в старом палаццо с коваными воротами и мраморной лестницей. Ада поднималась на лифте на третий этаж и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Всё здесь было слишком красивым, слишком дорогим, слишком чужим.

Приёмная поразила её. Белые кожаные диваны, журнальные столики с глянцевыми журналами, огромные фотографии на стенах лица, которые Ада видела на обложках Vogue. И девушки. Много девушек. Все как на подбор высокие, тощие, с идеальной кожей и одинаково скучающим выражением лиц. Они сидели на диванах, листали журналы, пили воду из пластиковых стаканчиков и не смотрели друг на друга.

Ада вдруг остро почувствовала, как она здесь чужая. В старых джинсах, в дешёвой куртке, с невысказанно провинциальным лицом.

Риккардо подошёл к стойке администратора, что-то сказал. Девушка за стойкой кивнула, набрала номер, сказала несколько слов в трубку.

— Бьянка примет, — сказал Риккардо, подходя к Аде. — Идём.

Они прошли по длинному коридору, мимо комнат, где за стеклом сидели люди с телефонами и папками, и вошли в кабинет.

Бьянка оказалась женщиной лет сорока семи, с идеальной осанкой, короткой стрижкой и глазами, которые видели всё и

ничему не удивлялись. На ней был строгий чёрный костюм, на столе горы фотографий, в руке дымящаяся сигарета, хотя курить в помещении было запрещено.

— Риккардо, — сказала она, даже не поднимая головы. — Опять привёл мне какую-нибудь деревенскую простушку?

— Посмотри сама.

Он положил на стол поляроиды. Бьянка мельком глянула, потом замерла. Взяла снимки в руки, поднесла ближе к глазам, повертела.

— Садись, — сказала она Аде, указывая на стул напротив.

Ада села, сжав руки в коленях. Бьянка рассматривала снимки долго, молча, лицо её ничего не выражало. Потом отложила их и посмотрела на Аду в упор.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Рост?

— Метр семьдесят семь.

— Вес?

— Пятьдесят шесть килограммов.

— Худеть. До пятьдесят. И следить за кожей. У тебя мелкие прыщики на лбу. Пей больше воды.

— Хорошо.

— Агентство готово тебя взять. На испытательный срок. Три месяца. Мы ищем тебе работу, кастинги, съёмки, показы. Ты платишь нам комиссию двадцать процентов. Если через три месяца у тебя не будет заказов, мы расстаёмся. Идёт?

Ада не верила своим ушам. Её берут? Её, девчонку из Нессо, считают достойной?

— Да, — выдохнула она. — Конечно, да.

— Не радуйся раньше времени. — Бьянка впервые подняла на неё глаза. — Ты красивая, это да. Но красивых здесь как грязи. Ты должна быть лучшей. Самой фотогеничной. Самой профессиональной. Самой выносливой. Ты должна хотеть этого больше, чем воздуха. Ты хочешь?

— Хочу.

— Докажи. — Бьянка протянула ей визитку. — Вот адрес школы, где учат модельной походке. Завтра в девять утра. Не опаздывать.

Ада взяла визитку дрожащей рукой. Поблагодарила. Встала, но у двери обернулась.

— Синьора Бьянка, можно вопрос?

— Валяй.

— Почему вы взяли меня? Здесь столько красивых девушек...

Бьянка усмехнулась впервые за всё время разговора.

— Потому что ты не боишься смотреть в глаза. Это редкость. Остальные опускают взгляд, как будто извиняются за то, что занимают место. А ты смотришь, как будто говоришь: «Я здесь, считайтесь со мной». Это товар. Особенно сейчас, когда все ищут характер. А теперь иди.

На выходе из агентства Аду догнал Риккардо.

— Ну что? — спросил он, улыбаясь. — Я же говорил.

— Спасибо, — сказала Ада. — Я даже не знаю, как вас благодарить.

— Ужином. Как договаривались.

— Я... я сейчас не могу. У меня денег только на обратный билет.

— Я пошутил, — он рассмеялся. — Потом, когда станешь звездой. Тогда и угостишь. А пока просто будь молодцом. Работай. И не слушай никого, кто скажет, что у тебя не получится. Поняла?

— Поняла.

— Иди, а то опоздаешь на поезд.

Ада побежала на вокзал, едва успела на электричку, и всю дорогу домой смотрела в окно, не видя ничего вокруг. В голове крутилось одно, что её взяли. Её, Аду Бьянки из Нессо, взяли в модельное агентство в Милане. Это не сон. Это правда.

Дома было темно. Мать уже спала. Ада тихо прошла в свою комнату, спрятала снимки под матрас, легла и долго смотрела в потолок. Водопад шумел за окном. Где-то лаяла собака. Обычный вечер в Нессо.

Но внутри что-то изменилось. Там, где была тоска, появилась надежда. Маленькая, робкая, почти незаметная, но надежда.

Она не знала, что это был первый шаг. Самый трудный и самый важный. Шаг из безнадёги, из жизни, где всё решено за неё. Шаг к новой жизни.

Шаг в Милан.

Шаг к свободе.

Глава 2. Первый шаг

Декабрь в Нессо выдался холодным. Не той солнечной, открыточной зимой, которую рисуют на рождественских открытках, а промозглой, сырой, когда туман пробирает до костей, а холодный воздух, кажется, просачивается даже сквозь самые плотные шерстяные куртки. Озеро стало свинцовым, горы на том берегу исчезали в серой мгле, и казалось, что мир сузился до размеров деревни, до её тёплых домов, где пахнет дровами и выпечкой.

Ада ненавидела эту зиму. Нет, не саму зиму она ненавидела своё раздвоение. С одной стороны, новая жизнь, о которой она мечтала и боялась даже думать. С другой старая, привычная, где всё было понятно и предсказуемо. Она разрывалась между ними, как между двумя берегами, и не знала, на какой пристать.

Первая поездка в Милан после подписания контракта с агентством случилась через неделю. Бьянка позвонила в среду вечером, когда Ада как раз вернулась из бара и собиралась ужинать.

— Росси, — без предисловий начала она. — В субботу кастинг у бренда, который ищет новые лица. Твоя фактура подходит. Приедешь?

— Да, синьора Бьянка. Конечно.

— Записывай адрес. В десять утра. Не опаздывай. И привези портфолио те снимки, что Риккардо сделал.

— Хорошо.

Ада положила трубку и долго стояла посреди кухни, глядя в одну точку. Сердце колотилось где-то в горле. Первый кастинг. Настоящий. Не просто знакомство с агентством, а настоящий кастинг, где будут смотреть, оценивать, выбирать.

Мать вошла на кухню, увидела её лицо.

— Что случилось, доченька?

— Меня на кастинг позвали, мам. В субботу. В Милан.

Мать помолчала, вытирая руки о фартук. Потом подошла, обняла.

— Ты справишься.

— Я боюсь.

— Это нормально. Все боятся. Ты главное помни, что ты у меня умница, красавица, и ничего не бойся. Что бы ни случилось, мы тебя любим.

Ада прижалась к матери и почувствовала, как слёзы подступают к глазам. Глупые, девчачьи слёзы, которые она запрещала себе с детства.

В субботу она встала в пять утра. Автобус до Комо уходил в шесть, оттуда электричка до Милана — ещё час. Она надела самое лучшее, что у неё было: чёрные джинсы, купленные год назад на барахолке, белую блузку, которую мать перешила из старой, и куртку — ту самую, с пятнами, которые не отстирывались. Другой не было.

Мать сунула ей в руку свёрток.

— Возьми. Бутерброды. В Милане всё дорого.

— Мам, не надо, вы сами...

— Бери, говорю. И не спорь.

Ада взяла, поцеловала мать, чмокнула спящих Мартину и Маттео и вышла в темноту.

Автобус был почти пустой. Ада села у окна, смотрела, как проплывают мимо тёмные деревушки, как озеро то открывалось, то скрывается за поворотами. Думала о том, что ждёт её в Милане.

Кастинг проходил в огромном лофте в районе Брера. Ада вошла и обомлела: там было не меньше сотни девушек. Все красивые, ухоженные, с идеальными причёсками и макияжем, в дорогой одежде. Они сидели на стульях вдоль стен, листали журналы, говорили по телефонам и не смотрели друг на друга.

Ада почувствовала себя ужасно чужой. Она села на свободный стул у двери, сжала в руках папку с полароидами и старалась не смотреть по сторонам.

Через два часа вызвали её.

— Росси?

Ада встала, вошла в комнату. Там за длинным столом сидели трое: женщина с короткой стрижкой, мужчина в очках и ещё один, молодой, с планшетом. В углу стоял фотограф с камерой.

— Раздевайся до купальника, — сказала женщина.

Ада разделась. В комнате было прохладно, кожа покрывалась мурашками. Она стояла в простом чёрном купальнике, купленном на рынке за смешные деньги, и старалась не дрожать.

— Пройдись.

Она пошла. Десять шагов до стены, разворот, десять шагов обратно. Вспомнила, чему учил Риккардо: плечи назад, спина прямая, взгляд перед собой.

— Стоп. Повернись. Профиль. Ещё. Теперь анфас. Смотри в камеру.

Щелчок. Щелчок. Щелчок.

— Достаточно. Одевайся.

Ада оделась. Женщина взяла поляроиды, повертела в руках, что-то записала в блокнот.

— Мы позвоним, — сказала она стандартную фразу.

Ада вышла на улицу и выдохнула. Всё. Первый кастинг позади. Получится или нет, неизвестно, но она сделала это.

В электричке она съела бутерброды, которые дала мать, и думала о том, как странно устроен этот мир. Там, в Милане, девушки с идеальными лицами борются за контракты, а здесь, в Нессо, её мать шьёт ночами, чтобы заработать на жизнь. И она, Ада, оказалась между этими мирами и ни там, ни тут.

Дома её ждал сюрприз. Отец вернулся с работы пораньше и сидел на кухне с матерью. По их лицам Ада поняла: что-то случилось.

— Ада, садись, — сказал отец. Голос у него был усталый, но строгий.

Она села.

— Мать мне рассказала, чем ты по выходным занимаешься. В Милан едешь, на кастинги какие-то.

— Пап, я...

— Дай договорить. — Он поднял руку. — Я не понимаю, зачем тебе это. У нас семья, у нас проблемы, у нас денег нет. Ты должна помогать, а не по Миланам разъезжать.

— Я и помогаю, — тихо сказала Ада. — Я работаю в ба-
ре, в пекарне, все деньги отдаю вам. А это... это мой шанс,
пап. Если получится, я смогу зарабатывать больше. Намного
больше.

— А если не получится?

— Тогда хотя бы попробую. И буду знать, что не сидела
сложив руки.

Отец молчал долго. Потом посмотрел на мать, потом снова на Аду.

— Ты хоть понимаешь, что там, в этом модельном бизнесе, творится? Я читал... Там старики богатые, там порядочных девушек портят.

— Пап, это стереотипы. Не везде так.

— Откуда ты знаешь? Ты там неделю всего.

— Риккардо, фотограф, он хороший человек. Он меня познакомил с агентом, женщиной. Она строгая, но справедливая. Они не дадут меня в обиду.

Отец снова замолчал. Потом встал, подошёл к окну, долго смотрел в темноту.

— Твоя мать за тебя горой. Говорит, отпусти, пусть попробует. А я... я не знаю, дочь. Я боюсь за тебя.

— Я знаю, пап. Я тоже боюсь. Но если не попробую, то никогда себе не прощу.

Он обернулся. В глазах у него стояла усталость глубокая, вековая, как эти горы вокруг озера.

— Делай как знаешь. Только если что сразу возвращайся. Поняла?

— Поняла, пап. Спасибо.

Он подошёл, обнял её крепко, по-мужски, так, что у Ады перехватило дыхание.

— Только матери не говори, что я разрешил. А то она меня совсем за слабака держать будет.

Ада рассмеялась сквозь слёзы.

— Не скажу.

Дальше пошли недели, полные поездок, кастингов, отказов и редких удач. Ада вставала в пять утра, ехала в Милан, целый день бегала по кастингам, вечером возвращалась, падала без сил, а утром снова в школу, потом в бар, потом в пекарню. Денег катастрофически не хватало. Билеты на поезд стоили дорого, а Бьянка предупредила: на первых порах заработка не жди, надо вкладываться.

— Ты вкладываешься в своё будущее, — говорила она.

— Потом, когда станешь востребованной, всё вернётся сто-

рицей.

Ада верила. Потому что выбора не было.

Она сэкономила на всём. Не завтракала, чтобы сэкономить на бутербродах. Обедала раз в день самым дешёвым, что можно было купить в Милане. Ходила пешком, чтобы не тратить на автобус. Мать иногда совала ей деньги тайком от отца, из тех жалких сумм, что оставались после оплаты счетов.

— Мам, не надо, вам самим...

— Бери, говорю. Ты же наше будущее. Если ты выбьешься, мы все выбьемся.

Ада брала и обещала себе, что когда-нибудь вернёт всё сторицей.

В январе позвонила Бьянка.

— Росси, есть работа. Съёмка для каталога. Деньги небольшие, но для начала сойдёт. Справишься?

— Да! — выпалила Ада, не веря своему счастью. — Когда?

— В субботу. Студия в Милане. Записывай адрес.

Съёмка оказалась обычным каталогом одежды не гламурным, не модным, просто вешалкой для тряпок. Но Ада была счастлива. Она стояла перед камерой, улыбалась, поворачивалась, как просили, и чувствовала, что это только начало.

За съёмку заплатили триста лир. Для Ады это было целое состояние. Она приехала домой, положила деньги на стол перед матерью и сказала:

— Это тебе.

Мать расплакалась. Отец, узнав, долго молчал, потом хлопнул Аду по плечу и ушёл в свою комнату. Ада знала, что он не умеет говорить о чувствах, но она ему благодарна.

В деревне между тем начались разговоры. Соседи видели Аду на вокзале, видели, как она садится на поезд до Милана, видели, как возвращается поздно вечером. Сначала шептались за спиной, потом начали спрашивать в лицо.

— Ада, а ты чего это в Милан всё едешь? Работу там нашла?

— Учусь, — отвечала она. — На курсы езжу.

— На какие курсы?

— На языковые.

Врать было противно, но правду сказать страшно. Если узнают, что она в модельном бизнесе, вообще не отстанут. Начнут рассказывать про то, как порядочные девушки таким не занимаются.

Особенно усердствовала синьора Маркези та самая, что не заплатила матери за костюм. Она встречала Аду на улице и окидывала её презрительным взглядом.

— Ада, дорогая, я слышала, ты в Милан едешь. Будь осторожна, там такие ужасы рассказывают. Девушек вербуют, а потом... — Она многозначительно замолкала.

Ада сжимала кулаки, но молчала. Нельзя скандалить, нельзя привлекать внимание. Надо просто переждать.

Мать переживала больше всех.

— Доченька, может, не надо больше? Люди языками треп-

лют, отцу на работе уже коллеги в глаза тычут.

— Мам, если я сейчас остановлюсь, они победят. Пони-
маешь? Они хотят, чтобы я осталась здесь, в этой нищете,
как они. Чтобы я боялась, как они. А я не хочу бояться.

Мать вздыхала, но не спорила.

В один из дней Аду ждал новый удар. Бьянка позвонила
и сказала, что кастинг, на который она очень рассчитывала,
провалился. Дизайнер выбрал другую девушку.

— Не расстраивайся, — сказала Бьянка. — Это бизнес.
Сегодня нет, завтра да. Главное не сдаваться.

Ада не сдавалась. Но внутри что-то надломилось. Она так
устала от бесконечных поездок, от экономии, от сплетен, от
вечного чувства вины перед семьёй. Иногда по ночам она
лежала без сна и думала: а правильно ли она делает? Может,
отец прав? Может, надо было остаться здесь, работать в баре,
выйти замуж за какого-нибудь местного парня и жить тихой
жизнью?

А потом вспоминала мать, которая плакала. И понимала
нет, она не может остановиться.

В феврале случилось то, что всё изменило.

Бьянка позвала её на кастинг к Armani.

— Это серьёзно, Ада. Если пройдёшь, то считай, карьера
пошла в гору.

Ада приехала в Милан за час до начала, как учила Бьянка.
У офиса Armani уже стояла очередь из девушек модельной
внешности, все как на подбор высокие, худые, с идеальными

лицами. Ада встала в конец и стала ждать.

Через три часа вызвали её.

— Раздевайся до купальника.

Она разделась. Прошлась. Повернулась. Посмотрела в камеру.

— Спасибо, достаточно.

Всё. Никаких эмоций, никаких комментариев. Ада вышла и побрела к вокзалу. Она не надеялась. Слишком много было отказов, чтобы надеяться.

Но через неделю позвонила Бьянка.

— Росси, ты прошла.

— Что? — Ада не верила своим ушам.

— Ты прошла кастинг. Armani берёт тебя на осеннюю коллекцию. Поздравляю.

Ада заплакала. Прямо посреди кухни, с трубкой в руке, размазывая слёзы по щекам.

— Спасибо, — шептала она. — Спасибо, спасибо, спасибо.

Мать, увидев её, подбежала:

— Что случилось? Ада, что?

— Я прошла, мама. Armani. Меня взяли.

Они обнялись и проплакали весь вечер. А когда пришёл отец, Ада бросилась к нему:

— Пап, у меня получилось!

Он обнял её, прижал к себе и сказал тихо, чтобы никто не слышал:

— Я горжусь тобой, дочка.

В ту ночь Ада долго не могла уснуть. Смотрела в потолок, слушала шум воды за окном и думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё полгода назад она была просто девчонкой из Нессо, над которой смеялись в школе. А теперь она модель Armani. Её лицо увидят на показах, в журналах, может быть, на обложках.

Она вспомнила синьору Маркези, которая не заплатила матери. Вспомнила её презрительные взгляды и намёки на "разврат". И улыбнулась в темноте.

— Посмотрим ещё, кто кого, — прошептала она.

Впереди была новая жизнь. Трудная, непредсказуемая, полная взлётов и падений. Но это была её жизнь. И Ада была готова идти в неё с открытыми глазами.

Первый шаг был сделан.

Оставалось сделать второй. И третий. И сотни других.

Но это уже были шаги не из Нессо, а в большой мир.

В мир, где её ждали.

В один из дней Ада сидела на кухне и смотрела в окно в руках у неё была кружка с цикорием. Мать ушла в ателье рано утром, отец на стройке, младшие в школе. Ада должна была быть в лицее, но сказалась больной не могла, просто не могла сегодня видеть чужие лица, слышать чужие голоса.

После новости о кастинге у Armani прошло три недели. Три недели она жила как на иголках: ждала звонка, боялась, что передумают, что найдут кого-то получше, что всё сорвёт-

ся. Бьянка успокаивала: «Не дёргайся, если взяли — значит взяли. Теперь дело за тобой». Но Ада не могла не дёргаться. Слишком многое стояло на кону.

Телефон зазвонил, когда она допивала цикорий. Ада подскочила, чуть не опрокинув кружку, бросилась в прихожую.

— Pronto?

— Росси? — голос Бьянки звучал как всегда сухо, без эмоций. — Через две недели начинаются примерки. Осенняя коллекция Armani. Ты должна быть в Милане каждый день с девяти утра до шести вечера. Жить будешь где?

— Я... не знаю. Наверное, буду ездить.

— Исключено. Ты будешь валиться с ног после первого же дня. Найди жильё в Милане. Самый дешёвый вариант. У тебя есть деньги?

— Есть, — соврала Ада. У неё было ровно двести лир, отложенных с работы в баре и пекарне. На две недели жизни в Милане этого могло не хватить.

— Хорошо. Через две недели, в понедельник, в девять утра, в офисе Armani. Адрес знаешь. Не опаздывай.

— Не опоздаю.

— И купи нормальную обувь. Ту, в которой ты была на кастинге, выброси.

Ада посмотрела на свои старые балетки, купленные два года назад на барахолке. Подошва на одной отклеилась, она заклеила её суперклеем. Да, такие действительно стоило выбросить.

— Хорошо, синьора Бьянка.

— Всё. Удачи.

Гудки. Ада стояла посреди прихожей с трубкой в руке и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Через две недели. Милан. Armani. Настоящая работа.

Вечером, когда вся семья собралась за ужином, она объявила новость.

— Меня взяли на показ Armani. Осенняя коллекция. Через две недели начинаются примерки, надо будет жить в Милане.

Мать всплеснула руками:

— Доченька! Поздравляю! Это же замечательно!

Отец молчал, уткнувшись в тарелку.

— Пап? — осторожно позвала Ада.

— Я слышал, — буркнул он, не поднимая глаз.

— Ты не рад?

Он отложил вилку, посмотрел на неё. Глаза у него были усталые, красные — последнее время он плохо спал, мучила спина.

— Рад, дочь. Конечно, рад. Только... как ты там будешь одна? В Милане этом? Денег у нас нет, помочь мы тебе не можем...

— Я справлюсь, пап. Честно.

— А если не справишься? Если что случится?

— Ничего не случится. Я буду осторожна.

Он покачал головой, но спорить не стал. Только спросил:

— Деньги у тебя есть?

— Есть. Две лир.

— Двести лир? — переспросил он с иронией. — Доченька, на эти деньги ты в Милане дня не проживёшь.

— Я найду дешёвый пансион. Буду экономить.

Мать встала из-за стола, подошла к старому шкафу, достала из-под стопки белья конверт.

— Вот, — сказала она, протягивая Аде. — Тут триста лир. Откладывала на чёрный день.

— Мам, ты что! Это ваши деньги, вам самим нужны!

— Молчи. Бери. Мы справимся как-нибудь. А ты там не пропади.

Ада взяла конверт дрожащими руками. Триста лир целое состояние для их семьи. Мать копила их, наверное, полгода, отрывая от себя, от детей, от всего.

— Спасибо, мама. Я верну. Всё верну, обещаю.

— Знаю, доченька. Знаю.

Через три дня случилось то, что перевернуло всё.

Ада вернулась из школы и застала мать на кухне в слезах. Та сидела за столом, сгорбившись, и смотрела в одну точку. Перед ней лежало письмо.

— Мам? Что случилось?

Мать подняла на неё глаза красные, опухшие.

— Заказ сорвался, дочка. Тот самый, на который я так надеялась. Свадебное платье для дочери Маркези. Она узнала, что ты... что ты в модельном бизнесе, и сказала, что не хочет,

чтобы её платье шила мать такой девушки.

У Ады внутри всё оборвалось. Маркези. Опять Маркези. Та самая, что не заплатила за костюм, та самая, что распускала сплетни по всей деревне. Теперь она добралась и до матери.

— Мам, прости... это я виновата...

— Ты не виновата, — мать вытерла слёзы. — Ты ничего плохого не делаешь. Это они злые, а ты не виновата.

Но Ада знала: виновата. Если бы она не поехала в Милан, если бы не ввязалась во всё это, мать получила бы заказ и деньги. А теперь... теперь у них ничего нет.

В ту ночь она не спала. Лежала, смотрела в потолок и думала. Может быть, отец прав? Может быть, не надо было лезть в этот модельный бизнес? Может, остаться здесь, работать, помогать семье, и пусть всё идёт как идёт?

А утром пришла новая беда.

Отец не вернулся с работы. Мать звонила на стройку, трубку никто не брал. Ада побежала на автобусную остановку, бесполезно прождала два часа. К вечеру позвонили из больницы в Комо.

— Синьора Бьянки? Ваш муж в больнице. Травма на стройке. Перелом ноги и ушиб позвоночника. Приезжайте.

Ада и мать помчались в Комо. В больнице было холодно, пахло лекарствами и страхом. Отец лежал в палате с ногой в гипсе, бледный, осунувшийся.

— Пап! — Ада бросилась к нему.

— Живой, — прошептал он, криво улыбнувшись. — Ногу сломал, спину ушиб. Месяца два минимум не работать.

— Ничего, пап. Мы справимся. Ты главное поправляйся. Но внутри у неё всё похолодело. Два месяца без зарплаты. Мать без заказа. Коммуналка. Еда. Лекарства для отца.

Она посмотрела на мать. Та стояла у койки, бледная, сжав губы, и Ада вдруг увидела, как она постарела за эти дни. Морщины стали глубже, глаза потухли.

Домой они вернулись поздно ночью. Ада сидела на кухне, смотрела на календарь. Через десять дней — Милан. Примерки. Показы. Её шанс. Её мечта.

А рядом разорённая семья, больной отец, мать без работы. Она зажмурилась и заставила себя думать холодно, расчётливо. Если она останется, то сможет работать в баре и пекарне, приносить домой немного денег. Этого хватит на еду. Если уедет, то сможет заработать на контракте. Сколько пока неизвестно, но Бьянка говорила, что за показы платят хорошо. Может быть, даже очень хорошо.

Но если уедет, оставит мать одну с больным отцом и двумя детьми. А если останется, то потеряет шанс, который выпадает раз в жизни.

Утром она пошла к матери.

— Мам, нам надо поговорить.

Мать сидела за столом, пила цикорий и смотрела в стену.

— Говори, дочка.

— Я не знаю, что делать. Если я уеду в Милан, вы тут...

Если останусь, мы не вылезем из долгов.

Мать посмотрела на неё долгим взглядом.

— Ты должна ехать, Ада.

— Но как вы тут без меня?

— Мы справимся. Я найду работу. Соседи помогут. Твой отец мужик крепкий, через месяц встанет. А ты... ты не должна упускать этот шанс.

— Мам...

— Слушай меня. — Мать взяла её за руку. — Я всю жизнь прожила в этой деревне. Всю жизнь боялась, экономила, отказывала себе во всём. И для чего? Чтобы мои дети жили так же? Нет, дочка. Ты должна вырваться. Должна попробовать. Если не попробуешь, то будешь всю жизнь жалеть. А я себе этого не прощу.

— Но папа...

— С папой я поговорю. Он поймёт. Он мужик, он злится сейчас от бессилия, но поймёт. Ты езжай.

Ада обняла мать и заплакала. Впервые за долгое время по-настоящему, навзрыд, как в детстве.

— Спасибо, мама. Я всё верну. Обещаю.

— Знаю, доченька. Знаю.

Отец вернулся из больницы через неделю на костылях, злой, молчаливый. Ада боялась подходить к нему, боялась говорить про Милан. Но на третий день он сам позвал её на кухню.

— Садись, — сказал он, кивнув на табурет.

Ада села. Отец долго молчал, смотрел в окно.

— Мать мне рассказала, что ты уезжаешь.

— Пап, я...

— Дай сказать. — Он поднял руку. — Я злился сначала. Думал, бросаешь нас, уезжаешь в свою жизнь, а мы тут пропадаем. А потом понял: не бросаешь. Ты для нас стараешься. Для нас.

— Пап...

— Я знаю, дочка. — Он повернулся к ней. Глаза у него были усталые, но уже не злые. — Я тобой горжусь. Ты смелая. Сильнее меня. Я бы в твои годы побоялся. А ты нет.

Ада бросилась к нему, обняла, прижалась.

— Я вернусь, пап. С деньгами. Мы всё починим, всё купим. Обещаю.

— Знаю. — Он погладил её по голове. — Только будь осторожна. И звони. Каждый день звони.

— Буду. Обещаю.

В понедельник утром Ада стояла на вокзале в Комо с одной сумкой старой, потрёпанной, купленной ещё на барахолке. В сумке лежали самые необходимые вещи и конверт с тремястами тысячами лир, которые дала мать. Свои двести лир она оставила дома на лекарства отцу и еду.

Перед отъездом она зашла в бар к синьоре Розе и сказала, что уезжает на месяц.

— Надолго? — спросила синьора Роза.

— Не знаю. Может, на месяц, может, больше.

— Ну, удачи тебе, девочка. Возвращайся, если что место твоё всегда здесь.

Ада поблагодарила и вышла. В кармане у неё лежала визитка Бьянки и адрес пансиона, который нашла для неё Татьяна, девушка из агентства. Самый дешёвый в Милане, но чистый и недалеко от центра.

Поезд тронулся. Ада смотрела в окно на проплывающие мимо деревушки, на озеро, которое постепенно исчезало за поворотами, и чувствовала, как внутри поднимается странное чувство смесь страха и надежды, тоски и предвкушения. Она ехала в новую жизнь.

Глава 3. Показ Armani

Март 1997 года. Милан.

Город встретил её дождём. Не тем ласковым весенним дождём, который пахнет цветами и надеждой, а холодным, морозящим, промозглым таким, что проникает под воротник, забирается в рукава, заставляет вжимать голову в плечи и бежать, не разбирая дороги. Ада выскочила с вокзала Централье, подхватила чемодан и на секунду замерла, оглушённая.

Милан гудел.

Огромный вокзал выбрасывал из себя толпы людей, и все они куда-то бежали, спешили, толкались, говорили по телефонам, размахивали руками. Такси сигналили, автобусы пытели выхлопными газами, где-то играла уличная музыка, а над всем этим висело серое, тяжёлое небо, низкое, как потолок в подвале.

Ада подняла воротник старой куртки и побрела к автобусной остановке. В кармане лежала бумажка с адресом: Via Spiga, пансион синьоры Галли. Сто двадцать тысяч лир в неделю. Последние деньги.

Автобус был набит битком. Ада втиснулась с чемоданом между какой-то толстой синьорой и студентом с рюкзаком, вцепилась в поручень и смотрела в окно. Милан проплывал мимо серый, мокрый, но невероятный. Высокие дома с коваными балконами, витрины магазинов, где стояли манекены в таких нарядах, что дух захватывало, кафе, из которых пахло кофе и свежей выпечкой. Город жил. Дышал. Пульсировал.

На Via Spiga она вышла через полчаса. Улица оказалась тихой, даже сонной — в двух шагах от модных бутиков, но сама по себе незаметная, жилая. Дом номер двенадцать был старым, пятиэтажным, с облупившейся штукатуркой и тяжёлой деревянной дверью. Лифта не было. Ада поднялась на четвёртый этаж пешком, чемодан грохотал по ступеням, и на каждый этаж выходили любопытные соседи посмотреть, кто это там шумит.

Дверь открыла сухая пожилая женщина с пронзительными глазами и седыми волосами, собранными в тугий пучок. Синьора Галли оглядела Аду с головы до ног, задержалась на потёртой куртке, на старых кедах с отклеившейся подошвой, на лице, которое пыталось казаться уверенным.

— Та самая Ада? — спросила она голосом, скрипучим, как несмазанная дверь. — Мне о тебе Татьяна рассказывала.

Иди, покажу комнату.

Комната оказалась крошечной. Кровать, стол, шкаф и окно во внутренний дворик, где росли чахлые деревья и сушилось бельё на верёвках. Обои в цветочек, выцветшие, с тёмными пятнами в углах. Пахло сыростью и старыми вещами.

— Туалет и душ в конце коридора, — отчеканила синьора Галли. — Общие на всех. Горячая вода есть только утром и вечером, по часу. Стирать в подвале, машинка платная, пять тысяч за раз. Курить в комнатах нельзя. Гостей водить нельзя. Мужчин водить нельзя вообще.

— Я не курю, — тихо сказала Ада. — И мужчин у меня нет.

— Это хорошо. — Синьора Галли чуть смягчилась. — Плата за неделю вперёд. Сто двадцать лир. Если удержишь вылетишь без разговоров. У меня очередь из желающих.

Ада отсчитала деньги. Осталось сто восемьдесят лир. На две недели жизни, если экономить так, как она умеет — хлеб, вода, иногда фрукты с рынка под закрытие, когда продавцы отдают за бесценок.

— Завтракать можешь на кухне, — добавила синьора Галли уже в дверях. — Продукты подписывай. Чужое не бери. Ужин готовь тоже там. И не шуми ночью, соседи жалуются. Дверь закрылась. Ада осталась одна.

Она села на кровать, матрас оказался жёстким, пружины впивались в спину, и вдруг улыбнулась. Впервые за весь день. Это была её комната. Крошечная, дешёвая, с сырыми

углами и ободранными обоями, но её. Её личное пространство. Первое в жизни.

Вечером она познакомилась с соседками.

Они ворвались без стука, высокая смуглая девушка с копной чёрных кудрей и громким голосом, а за ней вторая, блондинка с серьезными глазами и идеальной кожей, которая, казалось, светилась изнутри.

— Ада! — заорала черноволосая, влетая в комнату. — Приехала! Ну наконец-то! А это Лена, она русская.

Блондинка улыбнулась тихо, чуть грустно.

— Привет. Добро пожаловать в наш сумасшедший дом.

— Привет, — растерянно ответила Ада.

— Пойдём чай пить! — скомандовала Татьяна. — Знакомиться будем. Бросай вещи, потом разберёшь.

Кухня оказалась такой же маленькой, как комната Ады, но уютной. Стол, застеленный клеёнкой в цветочек, старый холодильник, газовая плита с обгоревшими конфорками, полка с чашками и все разные, видимо, свои у каждой. Татьяна разлила чай по кружкам, выставила на стол печенье в надорванной пачке.

— Ешь, — кивнула она Аде. — Не стесняйся. Мы тут все свои. Деньги потом отдашь, если хочешь, а пока угощаю.

Ада взяла печенье, откусила кусочек. Вкус детства такое же она ела в Нессо, запивая цикорием.

— Ты откуда? — спросила Лена, помешивая чай.

— С озера Комо. Деревня Нессо.

— О, деревенская! — усмехнулась Татьяна. — Будешь тут у нас самой честной. Я из Сан-Паулу, Лена из Сибири. А ты из итальянской глубинки. Колоритно.

— Сбежала от парня, который хотел на мне жениться и посадить дома — знаешь, такие итальянские штучки? Только он бразилец, а суть та же. Теперь вот модель. Почти.

— Почти? — переспросила Ада.

— Пока на хлеб с водой хватает. — Татьяна хлопнула ладонью по столу. — Но ничего, прорвёмся! Мы ж девки боевые. Ты главное не паниковать. Завтра первый день?

— Завтра.

— Тогда спать иди. Выспись, а то будешь как рыба. Фотографы таких не любят. Им нужен живой товар, а не сонные мухи.

Ада послушно пошла спать. Легла на жёсткий матрас, укрылась тонким одеялом, пахнувшим нафталином, и долго смотрела в потолок. За стеной переговаривались бразильянки их было несколько, и они говорили на португальском, быстром, певучем, похожем на музыку. Где-то играла музыка, пахло дешёвой едой и чужими жизнями. Она была одна в огромном городе, без денег, без связей, без опыта.

Но почему-то не боялась.

Утро началось в шесть. Ледяной душ (горячая вода кончилась через пять минут, как и предупреждала синьора Галли), дрожащими руками натянула джинсы, белую майку, куртку. Волосы высушить не успела пришлось заплести в косу, что-

бы не путались. В зеркало в прихожей посмотрела мельком бледная, круги под глазами, но глаза горят.

В офисе Armani надо быть к девяти.

Милан утром оказался другим не вчерашним, серым и промозглым, а светлым, почти праздничным. Солнце пробивалось сквозь облака, витрины сверкали, люди спешили по делам, и даже воздух пах иначе кофе и свежими булочками.

Ада нашла автобус, доехала до Via Borgonuovo. Офис Armani располагался в старом палаццо величественном здании с коваными воротами, мраморными колоннами и строгим охранником на входе. Она назвала своё имя, охранник сверился со списком и пропустил.

Лифт поднялся на четвёртый этаж. Двери открылись и Ада попала в другой мир.

Огромный зал был заставлен вешалками с одеждой. Десятки, сотни вещей костюмы, платья, жакеты, юбки висели плотными рядами, и все они были невероятными. Ткани переливались, струились, мерцали. Цвета от строгого чёрного до нежнейшего серого, от глубокого синего до приглушённого зелёного. Везде сновали люди, ассистенты, стилисты, портные. Кто-то кричал в телефон, кто-то бежал с охапкой вещей, кто-то стоял на коленях перед манекеном и прикалывал булавками подол.

— Синьорина Росси? — К Аде подошла девушка в строгом костюме. — Раздевайтесь. Останетесь в белье. Ваш стилист подойдёт через минуту.

Ада разделась, повесила куртку и джинсы на крючок, осталась в простом чёрном белье, купленном на рынке в Комо за смешные деньги, но чистом, аккуратном. Чувствовала себя ужасно голой посреди этой роскоши.

— Ада?

К ней подошла женщина лет сорока с короткой стрижкой и руками, полными булавок. В зубах у неё было сразу несколько, и говорила она, не вынимая.

— Я Кьяра, твой стилист. Пошли, будем одевать.

Она подвела Аду к стойке с одеждой.

— Это пробная примерка. Будем подгонять всё по твоей фигуре. Стой смирно, не дёргайся.

Ада стояла смирно. Кьяра натягивала на неё вещи жакет, потом другой, потом платье, потом брючный костюм. Закалывала булавками, помечала мелом, что-то бормотала себе под нос. Иногда звала ассистентку, и та записывала пометки в блокнот.

Так прошло четыре часа. Без перерыва. Без обеда. Без возможности присесть.

Ноги гудели. Спина затекла. Есть хотелось зверски. Но Ада стояла, как солдатик, и не жаловалась. Потому что знала: это её шанс.

— Всё, — сказала Кьяра наконец. — На сегодня хватит. Завтра в девять. И не ешь ничего жирного, а то платья не застегнутся.

— Хорошо, — кивнула Ада. — Спасибо.

Она оделась, вышла на улицу и чуть не упала ноги подкашивались, спина ныла. В маленькой булочной на углу купила самый дешёвый хлеб вчерашний, со скидкой. Села на скамейку в парке, отломил кусок, запила водой. Вкуснее еды она в жизни не ела.

Дни потекли как один длинный, бесконечный день.

Ада вставала в шесть, ледяной душ, хлеб с водой, автобус до Via Borgonuovo. В офисе примерки, бесконечные примерки. Её раздевали, одевали, кололи булавками, крутили, переворачивали. Она стояла часами, пока портные подгоняли вещи по фигуре. Ходила по импровизированному подиуму десятки, сотни раз, пока режиссёр показа не оставался доволен. Училась поворачиваться, замирать, смотреть перед собой невидящим взглядом.

— Спина прямее! — кричал хореограф. — Не сутулься! Ты модель или прачка?

— Голову выше! — добавлял режиссёр. — Ты должна смотреть вверх голов зрителей, как будто их нет!

— Ещё раз пройдишь! — командовал хореограф. — Шаг шире, бёдрами работай, но не раскачивайся. Ты женщина, а не лодка на волнах!

Ада ходила. Ещё и ещё. Ноги болели так, что по ночам она не могла уснуть мышцы сводило судорогой, ступни горели огнём. Но она не жаловалась. Потому что знала: если она сейчас сломается, второго шанса не будет.

Денег катастрофически не хватало. Она экономила на

всём. Завтракала хлебом с водой в булочной на углу брала вчерашний, самый дешёвый. Обедала яблоком, купленным на рынке поздно вечером если брать подпорченные. Ужинала тем, что удавалось раздобыть иногда Татьяна подкармливала пастой, иногда Лена делилась сыром. Синьора Галли смотрела косо, но пока не выгоняла, Ада платила за комнату вперёд, хоть и с трудом.

Однажды, вернувшись в пансион, она застала Татьяну и Лену на кухне. Те сидели с мрачными лицами, перед ними остывал чай.

— Что случилось? — спросила Ада, вешая куртку.

— У Лены контракт сорвался, — вздохнула Татьяна. — Обещали съёмку для немецкого каталога, а в последний момент передумали. Взяли другую. Теперь у неё денег до конца месяца не хватит.

Ада посмотрела на Лену. Та сидела бледная, сжав губы, и смотрела в одну точку. В глазах застыла обречённость.

— Сколько надо? — спросила Ада.

— Что? — Лена подняла взгляд.

— Сколько тебе не хватает?

— Пятьдесят лир. — Лена усмехнулась горько. — Всего пятьдесят, а хоть плачь. Родителям звонить не могу у них своих проблем хватает. А здесь... здесь никто не поможет.

Ада достала из кармана пятьдесят лир отложенные на еду до конца недели. Протянула Лене.

— Держи.

— Ты с ума сошла! — Лена вскочила, отшатнулась. — Это же твои последние!

— А ты моя подруга. — Ада сунула деньги ей в руку. — Бери. Потом отдашь.

Лена смотрела на неё, и в глазах у неё стояли слёзы. Настоящие, крупные, которые она пыталась сдержать и не могла.

— Спасибо, — прошептала она. — Я верну. Обязательно верну. Всё верну.

— Знаю, — кивнула Ада. — Не переживай.

Татьяна смотрела на Аду с уважением.

— Ты хорошая, — сказала она. — Редко такие встречаются. Здесь, в этом бизнесе, все друг друга грызут. Каждая за себя. А ты нет.

— У меня мама так учила, — пожала плечами Ада. — Делиться надо. Когда есть чем делиться. А когда нет просто быть рядом.

В ту ночь они сидели на кухне допоздна. Пили чай уже без печенья, просто чай, и говорили о жизни. Татьяна рассказывала о Сан-Паулу, о том, где она выросла, о парне, который её бил, о том, как сбежала в Италию с одним чемоданом и билетом в один конец. Лена о маленьком городке в Сибири, где зимы длятся полгода, о родителях, которые не понимают, зачем дочке модельный бизнес, о мечтах, которые кажутся несбыточными. Ада о Нессо, об отце, который сломал ногу на стройке, о матери, которая шьёт ночами, о четырёхстах

лирах , которые им должна какая-то стерва, и о том, что она, Ада, должна всё это исправить.

— Мы все одинаковые, — сказала Татьяна, глядя в темноту за окном. — Беглянки. Ищем лучшую долю.

— Найдём, — кивнула Лена. — Обязательно найдём.

До показа оставалась неделя.

Примерки становились всё интенсивнее. Нервы всё острее. Къяра уже не просто одевала Аду, а разговаривала с ней, объясняла концепцию коллекции, показывала эскизы, рассказывала о тканях.

— Понимаешь, это не просто одежда, — говорила она, поправляя на Аде жакет. — Это философия. Армани — это элегантность без крика. Это когда женщина одета так, что никто не замечает одежды, замечают только её. Ты должна быть не вешалкой, а женщиной.

Ада слушала, впитывала, запоминала.

Хореограф учил её ходить. Не просто ходить, а скользить. Плыть над подиумом. Делать шаг так, чтобы он казался неведомым, но при этом уверенным. Поворачиваться так, чтобы зрители задерживали дыхание.

— Смотри в зал, но не смотри, — объяснял он. — Ты должна видеть всех, но никто не должен поймать твой взгляд. Ты — загадка. Ты — тайна.

Ада тренировалась. Снова и снова. До боли в ногах, до дрожи в коленях, до головокружения.

И в один из дней — за три дня до показа — к ней подошёл

он.

Мужчина в строгом костюме высокий, седой, с пронзительными глазами, которые, казалось, видели насквозь. Он появился в зале незаметно, никто не объявлял его прихода, но все вдруг замерли, затихли, уступили дорогу.

— Ада Росси? — спросил он.

У неё подкосились ноги. Она узнала это лицо. Его знал весь мир.

— Да, — выдохнула она.

— Я Джорджо Армани.

Тишина повисла в зале такая, что было слышно, как где-то капает вода из крана. Ада смотрела на живую легенду, человека, чьё имя стало символом элегантности, и не могла вымолвить ни слова.

— Не бойтесь, — улыбнулся он. Чуть заметно, одними уголками губ. — Я просто хотел посмотреть на вас. Мне сказали, у вас интересное лицо.

— Спасибо, синьор Армани, — выдавила она.

Он оглядел её с головы до ног не раздевая, не оценивая пошло, а изучая, как скульптор изучает глину, из которой собирается лепить.

— Хорошая фигура. Хорошая статья. — Он кивнул своим мыслям. — Будете моей музой в этой коллекции.

И ушёл. Так же незаметно, как появился. Не прощаясь, не оглядываясь.

Ада стояла посреди зала, и сердце её колотилось так, что,

казалось, слышно всем вокруг. Муза. Он назвал её музыой.

Вечером она позвонила домой. Трубку взяла мать.

— Мам! — закричала Ада, забыв, что в пансионе тонкие стены. — Мам, ты не поверишь! Ко мне подходил сам Армани! Сказал, что я буду его музыой!

— Доченька! — Мать заплакала в трубку. Сразу, без перехода. — Я так рада! Мы тут все за тебя молимся! И соседи молятся, и синьора Моретти из школы, и даже синьор священник!

— Как папа?

— Лучше! Ходит уже без костылей! На стройку пока не вернулся, но по дому помогает. Вчера крышу лазил смотреть — говорит, пока держится, а там видно будет.

— А Мартина? Маттео?

— Скучают. — Голос матери дрогнул.

— Ада, — голос матери стал тише, — ты там как? Не голодаешь?

— Всё хорошо, мам. Правда.

— Деньги есть?

— Есть. — Соврала она легко и естественно. — Мне на днях заплатят за показ. Тогда пришлю вам.

— Не надо, дочка. Себе оставь. Там, в Милане, всё дорого.

— Мам, я пришлю. Обещала же. — Она помолчала. — Мам, я так по вас скучаю.

— И мы, доченька. И мы.

Они поговорили ещё немного о пустяках, о погоде, о том,

что у соседской кошки котят, а Маттео просит взять одного, но куда ж его в такую тесноту. Ада слушала материнский голос и чувствовала, как тоска сжимает сердце ледяными пальцами.

Но внутри, глубоко, уже росло другое чувство. Она на правильном пути.

Неделя пролетела как один день. И вот наступило утро показа.

Театр на Via Manzoni. Старинное здание с колоннами, мраморными лестницами, тяжёлыми бархатными портьерами. Ада приехала за пять часов так велела Кьяра. За кулисами царил хаос, который только со стороны кажется хаосом, а на самом деле отлаженный механизм.

Визажисты красили модели, колдовали над лицами, создавая тот самый знаменитый образ естественный, но совершенный. Парикмахеры завивали локоны, укладывали волосы волнами, фиксировали лаком так, что можно было кирпичом ударить не рассыплется. Костюмеры носились с вешалками, на которых висели платья, костюмы, жакеты все те, что Ада мерила всю неделю, все подогнанные по фигуре, идеальные.

Ада сидела в углу, стараясь не мешаться, и наблюдала. Рядом с ней оказалась высокая брюнетка с идеальным профилем точеные скулы, длинная шея, глаза, как два чёрных алмаза.

— Первый раз? — спросила она с лёгким испанским ак-

центом.

— Да, — кивнула Ада.

— Не бойся. — Испанка улыбнулась. — Главное не упади. Если упадёшь, то сразу вставай и иди дальше. Как будто, так и задумано. Улыбаться у Армани нельзя, но лицо должно быть живым. Поняла?

— Поняла. — Ада сглотнула. — А если я забуду, куда идти?

— Не забудешь. Хореограф столько раз гонял, что теперь даже во сне пройдёшь. Просто доверься телу. Оно знает.

— Я Мария. — Испанка протянула руку. — Из Мадрида.

— Ада. Из Нессо.

— Это где?

— Озеро Комо. Деревня маленькая.

— О, местная! — Мария улыбнулась шире. — Редкость. Обычно местные не идут в модели слишком тяжёлая работа. Легче замуж выйти за богатого и сидеть дома.

— Я не хочу сидеть дома, — сказала Ада.

— Я вижу. — Мария оглядела её цепким взглядом. — У тебя глаза голодные. Такие глаза камера любит.

Показ начался через час.

Музыка грохнула так, что, казалось, стены зашатались. Басы, синтезаторы, ритм, от которого кровь в жилах закипала. Свет залил подиум белый, холодный, ослепительный.

Первая модель вышла. Вторая. Третья.

Ада смотрела, как они плывут по подиуму, как поворачи-

ваются, как замирают на долю секунды, давая фотографам сделать тот самый кадр. Это было завораживающе. Это было страшно.

— Ада, готовься! — Крикнула Кьяра. — Ты следующая после Линды!

Линда? Та самая Линда Евангелиста? Ада обернулась и увидела её живую легенду, супермодель, лицо, которое знал весь мир. Линда стояла в двух метрах, поправляла платье и даже не взглянула в её сторону.

— Ада! — Кьяра схватила её за руку. — Иди сюда! Стой здесь! Как выйдет Линда, ты сразу за ней. Поняла?

— Поняла.

— Не думай ни о чем. Просто иди.

Линда вышла. Зал взорвался аплодисментами так встречают только звёзд. Ада сделала шаг вперёд, и свет ударил в глаза, ослепил, лишил ориентации.

Подиум. Длинный, бесконечный. Внизу лица. Сотни лиц. Критики, фотографы, знаменитости, просто зрители. Все смотрят на неё.

Ада сделала первый шаг. Второй. Третий.

Ноги ватные. Сердце колотится где-то в горле. Дыши, дура, дыши. Четвёртый шаг. Пятый. Она идёт, она не падает. Она считает шаги, чтобы не сбиться. Десять до конца подиума. Разворот.

Она развернулась и вдруг поймала взгляд.

В первом ряду, в центре, сидел Армани. Смотрел на неё.

И улыбался.

Ада пошла обратно. Шаг свободнее, увереннее. Она не думала больше о шагах, не считала, не боялась. Она плыла. Как учил хореограф. Как Кьяра говорила: не вешалка, а женщина.

За кулисы она влетела на подгибающихся ногах, и кто-то сунул ей в руки бутылку воды. Она пила, не чувствуя вкуса, и вдруг поняла, что она это сделала.

— Молодец! — Кьяра хлопнула её по плечу. — Отлично! Теперь переодевайся, у тебя ещё три выхода!

Три выхода. Ада не помнила, как переодевалась, как снова выходила, как позировала. Всё слилось в одно расплывчатое пятно свет, музыка, лица, аплодисменты.

Первый выход был строгий брючный костюм цвета песка. Ада выходила под спокойную, плавную музыку, чувствуя, как ткань струится по телу. Второй вечернее платье цвета ночного неба, глубокого синего, с мерцающими вставками. Она поворачивалась медленно, давая зрителям рассмотреть каждую деталь. Третий лёгкое шифоновое платье, почти невесомое, которое развевалось при каждом шаге, делая её похожей на облако.

И финал.

Все модели вышли на подиум. Десятки женщин в потрясающих нарядах чёрные костюмы, струящиеся платья и среди них она, Ада из Нессо.

Армани вышел на подиум под овации зала. Кланялся,

улыбался, махал рукой. А потом сделал жест, от которого у Ады сердце остановилось.

Он протянул руку — ей.

— Иди сюда, — сказал он громко, чтобы слышали все. — Моя муза.

Ада вышла вперёд. На ней было то самое финальное платье, которое Кьяра показывала ей в первый день, но Ада и мечтать не могла, что будет его носить. Потрясающее платье из струящегося шёлка цвета слоновой кости, расшитое тысячами крошечных кристаллов, которые переливались в свете софитов, словно звёзды. Длинное, почти до пола, с открытой спиной и лёгким шлейфом, оно делало её похожей на античную богиню. Ада взяла Армани под руку, и зал взорвался.

Вспышки фотокамер слепили глаза, аплодисменты гремели, кто-то кричал "Браво!", кто-то свистел. Ада стояла рядом с великим кутюрье, чувствуя, как по щекам текут слёзы, и не могла их остановить.

Она сделала это.

Вечером в пансионе её ждал сюрприз.

Татьяна и Лена накрыли стол в кухне дешёвое просекко, купленное в супермаркете, сыр, фрукты, хлеб. Даже синьора Галли выглянула из своей каморки и кивнула одобрительно.

— За тебя, звезда! — провозгласила Татьяна, поднимая пластиковый стаканчик. — За нашу Аду! За то, что теперь мы можем говорить, мы с ней жили!

— За нас! — ответила Ада. — За то, что мы все здесь. И

за то, что у нас всё получится.

Они пили, ели, смеялись. Татьяна рассказывала байки о кастингах, Лена показывала фотографии из Сибири, Ада рассказывала о Нессо, о водопаде, о родителях.

— Ты теперь знаменитость, — сказала Лена, глядя на неё с уважением. — К тебе сам Армани под ручку выходил. Забудешь нас тут?

— Никогда, — ответила Ада. — Вы мои первые подруги в Милане. Это навсегда.

Ночью она лежала на жёстком матрасе, смотрела в потолок и улыбалась. За стеной переговаривались бразильянки, где-то играла музыка, пахло дешёвой едой и чужими жизнями. Но теперь это была и её жизнь тоже.

Впереди была новая жизнь. Трудная, непредсказуемая, полная взлётов и падений.

И Ада была готова к ней.

Глава 4. Огни Милана

Март в Милане пахнет весной и надеждой. Воздух становится мягче, на деревьях в парках набухают почки, а по утрам уже не так холодно ждать автобус на остановке. Ада любила это время. Любила выходить из пансиона и вдыхать этот воздух городской, пахнувший бензином и выпечкой из ближайшей булочной, но такой живой, такой настоящий.

После показа *Armani* её жизнь изменилась. Сначала робко, потом всё быстрее, как снежный ком, катящийся с горы.

Первая статья появилась через три дня. Ада сидела на кухне пансиона, пила дешёвый чай, когда влетела Татьяна с газетой в руках.

— Ада! Смотри! — закричала она, тыча пальцем в страницу.

На пятой полосе *Corriere della Sera* была небольшая заметка и фотография та самая, с показа. Ада в чёрном платье, с холодным взглядом, с идеальной осанкой. Подпись гласила: «Новое лицо Armani: дебют Ады Росси произвёл фурор за кулисами миланской недели моды».

Ада смотрела на своё лицо, напечатанное на газетной бумаге, и не веря своим глазам. Это она. Её лицо. В главной газете страны.

— Ты теперь звезда! — Татьяна обнимала её, прыгала вокруг. — Звезда, понимаешь?

— Это просто заметка, — пыталась остудить её пыл Ада, но внутри всё пело от счастья.

Через неделю позвонила Бьянка.

— Росси, поздравляю. Тобой заинтересовались. Есть предложение от *Vogue Italia*. Съёмка для майского номера.

— *Vogue*? — Ада не верила своим ушам. — Вы шутите?

— Я никогда не шучу. В пятницу, в десять утра, студия на *Via Tortona*. Не опаздывай.

Ада положила трубку и заорала. Так громко, что прибежали Татьяна с Леной, думая, что случилось что-то ужасное.

— *Vogue*! — кричала Ада. — Меня зовут в *Vogue*!

Они обнимались, прыгали, визжали, и даже суровая синьора Галли выглянула из своей каморки и проворчала что-то про сумасшедших девиц, но улыбнулась.

Съёмка для Vogue оказалась испытанием похлеще показа Armani. Ада приехала в студию за два часа боялась опоздать. Её встретил фотограф, знаменитый, с мировым именем, которого она видела только на обложках журналов. Он был сух, немногословен и требователен.

— Ты новая? — спросил он, оглядывая Аду с головы до ног. — Раздевайся. Начнём с белья.

Ада разделась. В студии было прохладно, кондиционеры работали на полную, и кожа покрылась мурашками. Она стояла посреди белого фона, чувствуя себя ужасно голой и неуверенной.

— Не дёргайся, — сказал фотограф. — Дыши ровно. Смотри в камеру. Представь, что ты одна. Что никого нет. Только ты и я.

Ада закрыла глаза на секунду, выдохнула, открыла. Посмотрела в объектив.

Щелчок.

— Хорошо. Ещё.

Четыре часа съёмки. Сто двадцать кадров. Десять переодеваний. Три стилиста, два визажиста, один парикмахер. К концу дня Ада валилась с ног, но была счастлива.

Через месяц вышел номер. Ада купила его в газетном киоске на вокзале и долго рассматривала разворот, где была

она. Не та Ада из Нессо, которую дразнили жердью, а другая красивая, уверенная, настоящая красавица.

Она отправила журнал домой, матери. С запиской: «Это я, мама. У меня получилось».

Мать позвонила через два дня, плакала в трубку и говорила, что все соседи уже видели, что синьора Моретти, учительница, прислала поздравления, что отец гордится, хоть и молчит.

— Только ты береги себя, доченька, — говорила мать сквозь слёзы. — Там, в этом вашем Милане, береги себя.

— Берегу, мама. Как вы там?

— Всё хорошо. Крышу починили, деньги твои помогли. Отец на стройку вышел, потихоньку. Мартина в школе отличница, Маттео по тебе скучает, всё спрашивает, когда тётя Ада приедет.

— Скоро приеду. Обещаю.

Деньги начали появляться. Сначала небольшие суммы за съёмку в Vogue заплатили миллион лир. Для Ады, привыкшей считать каждую копейку, это было целое состояние. Она отправила домой семьсот тысяч матери на крышу и лекарства отцу. Себе оставила триста на жизнь, на пансион, на еду.

Потом были новые предложения. Реклама для косметического бренда. Съёмка для испанского Vogue. Каталог для немецкого универмага. Деньги потекли ручьём, и Ада отправляла почти всё домой. Мать сначала отказывалась, говорила: «Ты себе оставь, доченька, тебе там надо», но Ада

настояла.

— Это для вас, мама. Я обещала.

Через полгода родители переехали в новый дом. Не просто новый, а большой, красивый, с просторными комнатами, новой крышей, тёплыми стенами и большим садом. Ада настояла, чтобы они взяли самый лучший вариант из тех, что нашлись в Нессо. Мать плакала, когда въезжала в этот дом. Отец молча обошёл все комнаты, потом подошёл к Аде, обнял её и долго не отпускал.

— Спасибо, дочка, — сказал он тихо. — Ты нам такую жизнь сделала.

— Это вы мне жизнь сделали, пап. Я просто отдаю долги.

Мать, по настоянию Ады, наконец-то оставила работу. Со всем. Ада сказала твёрдо: «Хватит, мама. Ты своё отработала. Теперь отдыхай». И мать послушалась. Она занималась домом, детьми, садом. Впервые в жизни у неё появилось время на себя. Она ходила к соседкам пить кофе, читала книги, которые раньше никогда не успевала читать, и каждый день звонила Аде.

Отец тоже оставил стройку. Не сразу он долго упирался, говорил, что не может сидеть без дела. Но Ада нашла выход: помогла ему открыть маленькую мастерскую, где он чинил мебель, дело, которое он любил и которое приносило удовольствие, а не боль в спине. Он работал, когда хотел, брал заказы, которые нравились, и чувствовал себя нужным.

Мартина и Маттео расцвели. В новом доме у каждого бы-

ла своя комната. Мартина развесила по стенам свои рисунки, Маттео устроил в своей комнате настоящий гараж для игрушечных машинок. Мать возила их в школу, забирала, водила на кружки. Мартина ходила на рисование, Маттео — на футбол. Жизнь наладилась.

И теперь Ада приезжала домой не с чувством вины, а с радостью. Она привозила подарки, обнимала всех, слушала рассказы о школьных делах, смотрела новые рисунки Мартины, играла с Маттео в машинки. И уезжала обратно в Милан с лёгким сердцем, зная, что там, дома, всё хорошо.

В Милане её ждала другая жизнь. Работа, друзья, новые возможности.

Татьяна получила контракт с Versace и летала от счастья. Лена снялась для французского Elle и тоже была на подъёме. Они по-прежнему жили в пансионе синьоры Галли, но уже поговаривали о том, чтобы снять квартиру на троих.

— Надо искать что-то попросторнее, — говорила Татьяна. — Надоело в тесноте. Давайте снимем трёшку где-нибудь в центре.

— Дорого, — вздыхала Лена.

— Заработаем, — отвечала Татьяна. — Мы теперь звёзды, детка.

Ада слушала и улыбалась. Она уже присмотрела себе небольшую квартирку недалеко от пансиона студию с большими окнами и видом на крыши. Но пока не решалась съезжать. Слишком привыкла к этому сумасшедшему дому, к

шуму на кухне, к вечным разговорам о кастингах и съёмках.

Но в один прекрасный день она всё-таки решилась.

Квартира оказалась идеальной, светлая, уютная, с высокими потолками и маленьким балкончиком, куда помещался только стул и горшок с цветами. Ада подписала договор, купила мебель в ИКЕА, сама собирала стеллажи и вешала полки. Это было странное, почти детское счастье делать что-то своими руками, обустраивать свой угол.

Татьяна и Лена помогали с переездом, а потом устроили новоселье с пищей, вином и громкой музыкой. Соседи снизу стучали по батарее, но им было всё равно.

— Твоя квартира, — сказала Лена, оглядываясь. — Твоя собственная. Круто, да?

— Круто, — согласилась Ада. — Очень круто.

Будни модели оказались гораздо более насыщенными, чем она представляла.

Утро начиналось в шесть. Спортзал был обязательно, каждый день. Тренировки с персональным тренером, который гонял её до седьмого пота. Бег, растяжка, силовые упражнения. Потом бассейн плавание помогало расслабить мышцы после нагрузок.

— Модель должна быть в идеальной форме, — говорил тренер. — Это не прихоть, это работа.

Ада не спорила. Она вкалывала на тренировках, она знала, что, если хочешь результата, надо работать.

После спортзала был душ, завтрак и на съёмки или на при-

мерки, или на встречи с дизайнерами. Дни были расписаны по минутам, и Ада удивлялась, как раньше она вообще успевала жить без этого графика.

Встречи с дизайнерами были отдельным искусством. Каждый из них был уникален, у каждого свои требования, свои капризы, своё видение. Синьор Версаче, например, был громким, экспрессивным, он мог кричать на ассистентов, а через минуту обнимать их и целовать. Донателла, его сестра, была холоднее, расчётливее, но в её глазах горел тот же огонь.

— Ты интересная, — сказала она Аде при первой встрече.
— В тебе есть что-то... северное. Суровое. Это хорошо.

Дольче и Габбана были другими, мягче, спокойнее, они говорили тихо и много шутили. С ними было легко, почти как с друзьями.

— Твоя фигура — мечта, — говорил Стефано Габбана, обводя её силуэт руками. — Мы сделаем для тебя что-то особенное.

Ада училась общаться с ними, понимать их язык, чувствовать их настроение. Это было сложно, но интересно.

А ещё был английский.

— Без английского ты никуда, — сказала Бьянка жёстко.
— Париж, Лондон, Нью-Йорк везде нужен английский. Нанимай репетитора.

Ада наняла. Молодую девушку, почти ровесницу, которая приезжала к ней три раза в неделю и заставляла учить слова,

строить предложения, читать вслух статьи из американских журналов.

— Твой акцент — это очаровательно, — говорила она. — Но надо, чтобы тебя понимали.

Ада учила английский в метро, в перерывах между съёмками, перед сном, расклеивая по квартире стикеры с новыми словами. Это было тяжело, но она знала, что это необходимо.

В свободное время они с Татьяной и Леной гуляли по городу.

Милан открывался им с новой стороны. Они ходили по узким улочкам Бреры, разглядывая витрины маленьких галерей и антикварных лавок. Сидели в кафе на площади Дуомо, пили кофе и смотрели на туристов. Забирались на крыши небоскрёбов, откуда открывался вид на весь город.

— Смотри, — говорила Татьяна, обводя рукой горизонт. — Весь этот город наш. Мы его завоевали.

— Пока только маленькую часть, — смеялась Лена.

— Ничего. Будет и остальное.

По субботам они часто ходили на рынок на Via Fauche. Там можно было купить всё от свежих овощей до винтажной одежды. Ада обожала рыться в старых вещах, искать что-то уникальное, необычное. Она купила там старое бархатное пальто, которое носила с удовольствием, хотя Татьяна смеялась «Ты выглядишь как героиня фильмов Висконти!»

— Это комплимент? — уточняла Ада.

— Конечно!

А по вечерам, когда выпадала свободная минутка, они ходили на вечеринки. Миланская ночная жизнь бурлила. Клубы, закрытые показы, вечеринки у друзей, у дизайнеров, у фотографов. Ада сначала стеснялась, чувствовала себя не в своей тарелке среди этих шикарных, уверенных в себе людей. Но постепенно привыкла. Научилась улыбаться, болтать о пустяках, пить шампанское и не пьянеть.

— Ты должна быть в тусовке, — учила Татьяна. — Здесь всё через знакомства. Чем больше тебя видят, тем больше зовут. Это бизнес.

Ада училась. Она знакомилась с фотографами, стилистами, редакторами журналов. Её запоминали, её приглашали снова. Она становилась своей в этом мире.

Однажды вечером, после особенно удачной вечеринки у какого-то известного фотографа, они втроём сидели на крыше дома Татьяны и смотрели на звёзды.

— Знаете, — сказала Лена задумчиво. — А ведь мы это сделали. Мы здесь.

— Сделали, — кивнула Татьяна. — Но это только начало.

— Что дальше? — спросила Ада.

— Дальше — мир. — Татьяна мечтательно улыбнулась. — Париж, Лондон, Нью-Йорк. Мы будем там. Все трое.

— Думаешь?

— Знаю.

Они сидели молча, глядя на огни Милана, раскинувшиеся внизу. Город гудел, жил, дышал. И они были частью его.

— Я люблю этот город, — сказала вдруг Ада.

— Я тоже, — отозвалась Лена.

— А я люблю вас, девчонки, — заявила Татьяна. — Без вас я бы тут пропала.

Они обнялись, сидя на этой крыше, под звёздами, над огромным городом. И Ада почувствовала, что у неё есть не только семья в Нессо, но и семья здесь. Странная, разношёрстная, но настоящая.

Через месяц приехали родители.

Ада встречала их на вокзале и не могла сдержать улыбки. Мать вышла из поезда в новом пальто, которое Ада купила ей в подарок, с сияющими глазами. Отец нёс чемодан и оглядывался по сторонам с любопытством.

— Мама! Папа! — Ада бросилась к ним, обняла обоих сразу.

— Доченька! — Мать прижимала её к себе, гладила по голове. — Какая ты стала... городская, красивая.

— Я такая же, мам. Такая же.

Они провели вместе три дня. Ада показывала им Милан, Дуомо, галерею Виктора Эммануила, парк Семпионе, свои любимые улочки в Брере. Водила в кафе, где подавали лучший кофе, в рестораны, где готовили настоящую итальянскую пасту.

Отец ходил за ней как привязанный, разглядывал небо-скрёбы и качал головой:

— Ну и город... огромный. Как вы тут не теряетесь?

— Привыкаешь, пап.

Мать ахала над витринами, рассматривала одежду в магазинах и удивлялась ценам.

— Доченька, это же целое состояние!

— Мам, я теперь могу себе это позволить. И тебе куплю.

— Не надо, у меня всё есть.

Но Ада всё равно купила матери шарф, отцу красивый кожаный ремень. Мелочи, но такие приятные.

Вечером третьего дня они сидели у Ады на балконе, пили вино и смотрели на закат.

— Знаешь, дочка, — сказала мать, глядя на огни города.

— Я так рада, что ты уехала. Тогда, в Нессо, я боялась. Думала, пропадёшь. А теперь вижу, что нет. Ты нашла себя.

— Спасибо, мама.

— Это не мне спасибо. Это тебе. Ты сама всё сделала.

Отец молчал, но Ада видела в его глазах гордость. Самую настоящую.

После их отъезда Ада долго сидела на балконе и думала о том, как всё изменилось. Родители счастливы, устроены, не нуждаются. Мартина и Маттео растут в любви и заботе. У неё самой есть друзья, работа, своя квартира. И впереди целая жизнь.

И пошла спать.

Завтра будет новый день. Новая съёмка. Новые встречи. Новая жизнь.

И она была готова к ней.

Октябрь в Милане то время, когда город меняет цвет. Листья на деревьях в парках желтеют, кафе убирают столики внутрь, а воздух становится прозрачным, холодным, с запахом дыма из труб и жареных каштанов на углах. Ада любила октябрь. Но в этом году она почти не замечала его.

Последние две недели были сумасшедшими. Съёмки, интервью, встречи с дизайнерами. После успеха у Armani и публикации в Vogue Italia предложения посыпались одно за другим. Бьянка едва успевала записывать, а Ада металась между студиями, как белка в колесе.

Она почти не спала. Ложилась за полночь, вставала в пять, пила крепкий кофе, чтобы проснуться, и бежала на очередную съёмку. Денег стало больше, но времени на себя почти не оставалось. Она даже не заметила, как миновал месяц с её последней поездки в Нессо.

Мать звонила каждый вечер.

— Ты как, доченька?

— Устала, мам. Но всё хорошо.

— Ешь нормально?

— Ем, мам.

— А спишь?

— Сплю.

— Не ври мне, я по голосу слышу. — Мать вздыхала. — Ты хоть приедешь скоро? Мартина новый рисунок закончила, хочет тебе показать. Маттео без тебя скучает.

— Приеду, мам. Вот закончу этот проект — и приеду.

Обещаю.

— Ну смотри. Мы тут за тебя спокойны, у нас всё хорошо. Ты о себе думай.

Ада улыбалась в трубку. Мать всегда говорила «у нас всё хорошо» и теперь это было правдой. Новый дом, тёплый, просторный, с большим садом. Мать возится с детьми, водит их на кружки, читает книги, которые раньше никогда не успевала читать. Отец в своей мастерской чинит мебель для души, не для денег. Мартина рисует каждый день и мечтает стать художницей. Маттео гоняет в футбол и собирает коллекцию игрушечных машинок.

Ада слушала материнский голос и чувствовала покой. Там, дома, всё хорошо. Значит, и у неё всё получится.

В середине октября позвонила Бьянка. Голос у неё был необычный — взволнованный, хотя она старалась держаться сухо.

— Росси, завтра приедешь ко мне в офис. Дело важное.

— Что случилось?

— Завтра узнаешь.

Ада не спала всю ночь. Гадала, что могло случиться. Может, контракт сорвался? Может, наоборот, что-то хорошее? Бьянка не стала бы вызывать просто так.

Утром она приехала в агентство ровно в десять. Бьянка сидела за своим столом, заваленным фотографиями, и курила — верный признак волнения.

— Садись, — сказала она, кивнув на стул.

Ада села. Бьянка молчала долго, разглядывая её. Потом выдохнула дым и сказала:

— У меня для тебя предложение. От Calvin Klein.

У Ады перехватило дыхание. Calvin Klein. Американский гигант. Мечта любой модели.

— Что именно? — спросила она, стараясь говорить спокойно.

— Рекламная кампания. Весна-лето следующего года. Съёмки в Нью-Йорке. Если всё пройдёт хорошо — возможно, станешь лицом бренда.

— Лицом бренда?

— Да. Ты понимаешь, что это значит?

Ада понимала. Это был взлёт выше, чем она могла мечтать. После такого предложения карьера шла в гору стремительно. Это были деньги, слава, мировая известность.

— Когда? — спросила она.

— Через месяц. Надо улетать в Нью-Йорк минимум на три месяца. Подготовка, съёмки, презентации.

— На три месяца?

— Да. А что, проблемы?

Ада молчала. Три месяца. Три месяца без дома, без семьи, в чужой стране, одной. Но она уже знала ответ.

— Нет, — сказала она твёрдо. — Проблем нет. Я согласна.

Бьянка улыбнулась — впервые так широко, по-настоящему.

— Вот и умница. Я знала, что ты не подведёшь. Готовься,

через месяц вылетаем.

Вечером она позвонила домой. Трубку взяла мать.

— Мам, у меня новость.

— Какая, доченька?

— Мне предложили работу в Нью-Йорке. На три месяца.

Рекламная кампания Calvin Klein.

Мать ахнула в трубку:

— Господи, дочка! Это же... это же... я даже не знаю, как это называется! Это ж Америка!

— Америка, мам.

— Ты шутишь?

— Нет, мам. Не шучу.

Мать засмеялась и заплакала одновременно:

— Ада! погоди, я отцу скажу! Отец! — закричала она в сторону. — Иди скорей! Тут Ада такое рассказывает!

В трубке послышался топот, потом голос отца:

— Что случилось? Пожар?

— Лучше! — Мать смеялась сквозь слёзы. — Аду в Америку зовут! Работать!

Отец взял трубку. Помолчал секунду, потом сказал:

— В Америку, значит?

— В Нью-Йорк, пап. На три месяца.

— Ну, — он кашлянул, — ты там это... не теряйся. Америка то большая.

— Не потеряюсь, пап.

— Я знаю. — Голос у него стал мягче. — Ты у нас сильная.

Мы тобой гордимся.

— Спасибо, папа.

— Когда улетаешь?

— Через месяц.

— Приехать успеешь?

— Обязательно.

— Ну, ждём. Мартина без тебя с ума сходит. Рисунки тебе готовит.

— Я тоже подарки везу. Много.

— Ты главное себя вези. — Отец помолчал. — Ладно, давай, работай. Мы любим тебя.

— И я вас люблю. Очень.

На следующий день она встретилась с Татьяной и Леной в их любимом кафе на Via Brega.

— Ну, рассказывай, — потребовала Татьяна, как только Ада села за столик. — Что за тайны? Бьянка тебя вызывала?

— Вызывала.

— И?

— Calvin Klein. Нью-Йорк. Три месяца.

Татьяна замерла с чашкой на полпути ко рту. Лена выронила ложку.

— Ты... ты шутишь? — выдохнула Татьяна.

— Нет.

— Calvin Klein? Нью-Йорк?

— Да.

Татьяна взвизгнула так, что официант подпрыгнул на ме-

сте. Лена замахала руками, пытаясь что-то сказать, но слова не шли.

— Ты звезда! — заорала Татьяна, перегибаясь через стол и обнимая Аду. — Ты настоящая звезда!

— Я просто модель, — попыталась возразить Ада, но её уже не слушали.

— Какая модель! Ты теперь мировая знаменитость! — Татьяна схватила меню и начала обмахиваться им, как веером. — Боже, я сижу в одном кафе с человеком, который будет лицом Calvin Klein!

— Пока ещё не лицом, — улыбнулась Ада. — Просто рекламная кампания.

— Это начало, — тихо сказала Лена. — Ты же понимаешь, это начало.

— Понимаю.

Они заказали шампанского, хотя было только три часа дня, и сидели до вечера, болтая, смеясь, строя планы. Татьяна мечтала, что тоже когда-нибудь поедет в Нью-Йорк, Лена, что откроет своё агентство, а Ада просто слушала и улыбалась.

— Мы же сёстры, — сказала Лена. — Что бы ни случилось, мы всегда будем друг у друга.

— Всегда, — кивнули Ада и Татьяна.

Через неделю она поехала в Нессо. В поезде смотрела в окно на знакомые с детства пейзажи, на озеро, на горы, и думала о том, как всё изменилось.

На вокзале в Комо её встречал отец на новой машине, которую Ада помогла купить.

— Пап! — она бросилась к нему, обняла.

— Дочка! — Он прижал её к себе крепко, по-медвежьи.
— Похудела опять. Не кормят там в вашем Милане?

— Кормят, пап. Просто работы много.

— Работа работой, а есть надо. Мать вам с Мариной пирог испекла. С яблоками. Твои любимые.

Дом встретил её теплом и запахом выпечки. Мать стояла на пороге, улыбалась, вытирая руки о фартук.

— Доченька!

— Мама!

Они обнялись, и Ада почувствовала, как хорошо стало на душе. Мать выглядела отлично отдохнувшая, с румянцем на щеках, без вечной усталости в глазах.

— Проходи, проходи! Мартина! Маттео! Тётя Ада приехала!

Из дома вылетели двое Мартина, уже почти подросток, высокая, стройная, с копной тёмных волос, и Маттео, всё такой же вихрастый, только ещё больше.

— Ада! — заорал Маттео и повис на ней.

— Ада, — Мартина подошла, улыбнулась, обняла. — Я тебе рисунок приготовила.

— Покажешь?

— Вечером. Это сюрприз.

Они сидели на кухне, пили чай с пирогом, болтали. Мать

рассказывала про свои дела про то, как вступила в местный книжный клуб, как ходит на йогу для пожилых, как они с отцом ездили на выходные в горы.

— Ты представляешь, мы первый раз в жизни просто так куда-то поехали! Не по делам, не к врачам, а просто отдыхать. Стояли на озере, смотрели на закат, и я думала: Господи, как же хорошо жить!

Ада слушала и улыбалась. Это было то, ради чего она работала. Ради этого спокойствия в материнских глазах, ради этого тепла, ради того, чтобы они могли жить, а не выживать.

Отец рассказывал про мастерскую. Дела шли отлично заказов много, люди приезжают даже из Комо. Он взял помощника, молодого парня, которого учит ремеслу.

— Я теперь как настоящий бизнесмен, — хвастался он.
— Сiju, заказы принимаю, зарплату плачу.

Мартина показывала рисунки они стали намного лучше, профессиональнее. Ада смотрела и поражалась таланту сестры.

— Мартина, это гениально. Ты должна учиться дальше. В художественную школу поступать.

— Думаешь?

— Я знаю. Я всё устрою.

Маттео таскал её за руку, показывал свои машинки, новые игрушки, футбольный мяч, с которым теперь гонял во дворе.

— Ада, а в Америке есть футбол? Настоящий?

— Я уверена, что есть.

— А ты привезёшь мне настоящую американскую форму?

— Привезу. Обещаю.

Вечером они сидели на веранде. Озеро внизу тихо плескалось, где-то шумел водопад, небо было звёздным, прозрачным, осенним.

— Не боишься? — спросила мать. — Одна, в чужой стране, языка не знаешь.

— Немного боюсь. Но это хороший страх. Как перед прыжком в воду.

— Ты всегда смелой была, — сказал отец. — С детства. Помню, как ты в пять лет с обрыва в озеро прыгнула, а мы с матерью чуть инфаркт не получили.

— А я помню. Вода холодная была, но я выплыла.

— Выплывешь и теперь, — кивнул отец. — Ты у нас такая.

Мать вздохнула:

— Только ты там осторожнее. Нью-Йорк — город большой, всякое бывает.

— Буду осторожна, мам. Обещаю.

— И звони каждый день. Хотя бы пару минут, чтобы мы знали, что ты жива.

— Каждый день, мам.

Маттео прибежал с улицы, запыхавшийся, раскрасневшийся.

— Ада, ты ещё не уехала?

— Нет, маленький. Я здесь.

— Хорошо. — Он уткнулся ей в колени. — А когда

уедешь, ты правда вернёшься?

— Правда. Обязательно вернусь.

— И привезёшь форму?

— И форму.

— И шляпу ковбойскую?

— И шляпу.

— И конфеты?

— И конфеты. Много.

Маттео задумался, потом спросил:

— А можно я с тобой?

— Не сейчас, малыш. Ты ещё маленький. Но когда вырастешь, то обязательно.

— Я быстро вырасту. Я уже почти большой.

— Почти, — согласилась Ада. — Почти.

Последние дни перед отъездом пролетели как один миг. Ада металась между Миланом и Нессо, между съёмками и поездками домой. Упаковывала чемоданы, покупала подарки, отвечала на звонки.

Татьяна и Лена устроили прощальный ужин. Сняли столик в хорошем ресторане, оделись по-праздничному, заказали шампанское.

— За нашу подругу! — провозгласила Татьяна. — Которая теперь будет сиять в Америке!

— За нас всех! — ответила Ада. — За то, что мы есть друг у друга.

Они болтали, смеялись, строили планы. Татьяна мечтала о

Париже, Лена о Лондоне. Ада обещала, что они обязательно встретятся где-нибудь в мире и будут вспоминать этот вечер.

— Знаешь, — сказала Лена, когда шампанское уже почти закончилось, — я сначала не верила, что у нас получится. Думала, поедем немного и вернёмся обратно. А теперь смотрю на тебя и понимаю: всё возможно. Всё.

— Всё возможно, — согласилась Ада. — Главное — верить и работать.

— И чтобы подруги были, — добавила Татьяна. — Настоящие.

— И чтобы подруги, — кивнула Ада. — Самые лучшие.

Они обнялись прямо в ресторане, и никто на них не смотрел косо — в Милане привыкли к разным проявлениям чувств.

Утром она улетала.

Аэропорт Мальпенса был огромным, шумным, чужим. Ада тащила за собой чемодан один, самый нужный, с вещами и документами. В руке билет до Нью-Йорка. Первый раз в жизни она летела на самолёте.

Она прошла регистрацию, таможню, вышла в зал ожидания. Сидела на пластиковом стуле, смотрела на взлетающие самолёты и думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё год назад она мыла стаканы в баре и мечтала просто поехать в Милан. А теперь летит в Америку. На три месяца. По контракту с Calvin Klein.

Телефон завибрировал — сообщение от матери: «Взлете-

ла уже?»

Ада набрала ответ: «Ещё нет. Скоро».

Сразу пришло новое: «Мы тебя любим. Ты справишься».

И от Татьяны: «Звезда, Нью-Йорк твой! Покажи им там!»

И от Лены: «Удачи. Я верю в тебя».

Ада улыбнулась, убрала телефон в карман.

Объявили посадку. Она встала, поправила куртку, подхватила чемодан и пошла к выходу на взлётную полосу. В туннеле, ведущем к самолёту, она на секунду замерла, глубоко вздохнула и пошла дальше.

Самолёт был огромным, белым, с рядами кресел, уходящими вдаль. Ада нашла своё место у окна, пристегнулась, прижалась лбом к холодному стеклу.

Самолёт долго рулил по взлётной полосе, потом разогнался и взлетел. Ада смотрела в иллюминатор, как Милан становится маленьким, крошечным, исчезает в облаках. А потом были только облака и бесконечное синее небо.

Она думала о доме. О том самом, где сейчас мать, наверное, сидит на кухне с чашкой чая, отец возится в мастерской, Мартина рисует, а Маттео гоняет мяч во дворе. О том доме, который она помогла построить — не камнями, а любовью и заботой.

Они были там, за тысячи километров. А она здесь, в самолёте, летит в новую жизнь.

И на душе было спокойно и радостно.

Потому что она знала: там, дома, всё хорошо. А значит, и

у неё всё получится.

Самолёт набирал высоту, и Ада закрыла глаза.

Впереди была новая жизнь. Новая страна. Новые люди. Новые испытания.

Но корни её навсегда остались там — в Нессо, у водопада, где пахнет озером и всегда ждут.

Всегда.

Глава 5. Встреча на закате

Нью-Йорк встретил её привычным грохотом.

Ада открыла глаза за минуту до того, как зазвонил будильник. Тело уже не спрашивало, хочет ли оно вставать — оно просто вставало, потому что так надо. Семь утра. За окном её квартиры на пятьдесят третьем этаже небоскреба на Манхэттене только начинало светлеть, но город уже гудел — где-то далеко внизу сигналили такси, выли сирены, перекликались мусорщики.

Она села на кровати, обхватила колени руками и несколько минут просто сидела, глядя на панораму города через огромное стеклянное окно. Эту квартиру она снимала уже полтора года — три спальни, две ванные, огромная гостиная с видом на Центральный парк. Дизайнер обставлял её со вкусом: бежевые тона, мягкая мебель, абстрактные картины на стенах. Всё идеально. Всё чужое.

Она провела рукой по простыне — египетский хлопок, тысяча нитей на дюйм, как любят говорить в журналах. Рань-

ше она и не знала, что такое бывает. Спала на жёстком матрасе в пансионе синьоры Галли, где простыни пахли хлоркой и были такими старыми, что в середине ночи просились наружу. А теперь вот — египетский хлопок, шёлковое одеяло, подушки, которых так много, что половину приходится убирать на пол, чтобы освободить место.

Она усмехнулась своим мыслям и встала.

Кофемашина зашипела, выпуская пар. Ада достала из холодильника миндальное молоко — коровье она не пила уже два года, диета — и налила себе большую кружку. Подошла к окну, обхватила кружку ладонями и снова уставилась на город.

Где-то там, за тридевять земель, сейчас Нессо просыпается под шум водопада. Мать уже на ногах, наверное, готовит завтрак Мартине и Маттео. Отец возится в мастерской, хотя ещё слишком рано для стука молотка. А она здесь, в стеклянной коробке над облаками, и кажется, что между ними не просто океан, а целая жизнь.

Ровно в восемь утра, как по расписанию, завибрировал телефон. Экран засветился именем, которое заставило её улыбнуться: «Мамма♥#».

— Pronto, mamma, — ответила Ада, отставляя кружку.

— Доченька! — голос матери прозвучал так громко и радостно, что Ада невольно отодвинула трубку от уха. — Ты уже встала? Я не разбудила?

— Нет-нет, мам, я уже на ногах. Кофе пью.

— Опять кофе на пустой желудок? — мать тут же перешла в режим заботы. — Ты хоть завтракаешь нормально? Небось, опять круассан схватила на бегу и побежала. Я же знаю вашу модельную жизнь — вечно на голодном пайке.

— Мам, я нормально ем, не волнуйся. — Ада сделала глоток кофе. — Правда. Вчера вот пасту ела.

— Пасту? — мать явно не поверила. — Какую пасту? Из целлюлозы?

— Мам, — рассмеялась Ада, — нормальную пасту. С томатным соусом. В итальянском ресторане.

— Ну, если в итальянском, тогда ладно. — В голосе матери слышалось удовлетворение. — А то я смотрю твои фотографии в журналах — ты худая совсем, как щепка. Глаза огромные, скулы торчат. Красиво, конечно, но я же мать, мне страшно.

— Мам, это моя работа. Так надо.

— Знаю-знаю, — вздохнула мать. — Ладно, рассказывай лучше, как ты там? Что нового?

Ада задумалась. Что нового? Контракты, съёмки, встречи, перелёты. Всё одно и то же, день сурка.

— Работаю, мам. Много. Вчера была съёмка для американского Vogue, завтра лечу в Лос-Анджелес на рекламную кампанию.

— Господи, дочка, — мать ахнула, — ты когда отдыхать будешь? Так и сгореть можно.

— Потом отдохну, — отмахнулась Ада. — Сейчас надо

работать. У меня, знаешь, сколько предложений?

— Знаю, — мать вздохнула. — Только ты береги себя. Здоровье дороже денег.

— Берегу, мам. — Ада перевела разговор: — А вы как? Рассказывай.

— Ой, доченька, у нас столько новостей! — Голос матери зазвенел гордостью. — Мартина выиграла конкурс! Студенческий, во Флоренции. Её работу отобрали из пятисот, представляешь? Ей диплом дадут и стипендию на поездку в Париж.

— Мам, это же потрясающе! — Ада искренне обрадовалась. — Я же говорила, у неё талант. Она сама тебе рассказывала?

— А кто ж ещё? Звонила вчера вечером, вся светилась. Говорит, хочу, как Ада, чтобы вы гордились. А мы и так гордимся, обеими вами. Знаешь, она твои фотографии собирает, все журналы с тобой у неё на стене висят. Подружкам хвастается: это моя сестра.

У Ады щипало в глазах. Она моргнула, прогоняя слёзы.

— Передай ей, что я тоже горжусь. Очень.

— Передам, — пообещала мать. — А Маттео! Ох, этот бандит! Вчера на тренировке два гола забил, тренер говорит, прямой путь в молодёжку. Носится по дому с мячом, чуть вазу не разбил, отцу пришлось прятать все ценные вещи в шкаф. Я говорю: поставь мяч в угол, а он: «Я же тренируюсь!»

— Он всегда таким был, — улыбнулась Ада. — Помнишь, как он в пять лет по дому бегал и всё ронял?

— Ещё бы! — засмеялась мать. — Ты ему игрушечную машинку привезла из Милана, так он с ней спал, представляешь? Обнимал и спал.

— Передай ему, что я скоро приеду и привезу ту самую форму, которую обещала. Настоящую, американскую.

— Ты обещаешь уже полгода, — мягко упрекнула мать. — Он каждый день спрашивает: «Когда Ада приедет?» Я говорю: скоро. А скоро — это когда? Он уже календарь нарисовал и каждый день крестики ставит.

Ада замялась. Взглянула на ежедневник, открытый на столе: сегодня съёмка, потом ланч с Dior, потом примерка, потом гала-вечер. Завтра — интервью для американского телеканала «Good Morning America», послезавтра — перелёт в Лос-Анджелес на съёмки рекламы, потом две недели на Западном побережье, потом Париж, потом Милан. И так без просвета до самого Рождества.

— Мам, через месяц, наверное. Постараюсь выкроить недельку. Очень постараюсь.

— Через месяц, — эхом повторила мать. — Ну ладно. Ты главное не обещай, если не получится. Он поймёт. Мы все поймём.

— Получится, — твёрдо сказала Ада. — Я приеду. Обязательно.

— Хорошо, доченька. — Мать помолчала. — А как папа?

— спросила Ада.

— А что папа? В мастерской своей пропадает. Заказов много, он довольный ходит. Говорит, никогда не думал, что в его возрасте можно работать в удовольствие. Вчера комод заказчице отдал — она чуть не плакала от радости, говорит, лучше нового. Ты бы видела его лицо! Сияет, как медный таз.

— Передай ему, что я горжусь им. И тобой горжусь.

— Ладно-ладно, не раскисай. — Голос матери дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. — Ты там это... береги себя. И звони чаще, не раз в неделю, а хоть каждый день. Нам пару минут хватит, лишь бы голос твой слышать. Отцу тоже тяжело, он не говорит, а я вижу — переживает.

— Буду, мам. Обещаю. Каждый день.

— Ну, не каждый, — мать смягчилась. — Когда сможешь. Мы понимаем, ты занята. Но хоть иногда.

— Буду, мам. Честно.

— Целую, доченька. Беги, работай. Мы любим тебя.

— И я вас. Целую.

Ада нажала отбой и несколько секунд сидела неподвижно, глядя на погасший экран. В груди разливалось тепло — и тут же сжималось холодом. Дом там, за океаном, живёт своей жизнью. Мартина рисует, Маттео гоняет мяч, отец строгаёт доски в мастерской, мать печёт пироги. А она здесь, в стеклянной клетке, и между ними — не просто океан, а целая пропасть из съёмок, контрактов, обязательств.

Она тряхнула головой, прогоняя тоску. Встала, подошла к окну. Город внизу кипел, как муравейник. Где-то там, в этой толпе, люди живут обычной жизнью: пьют кофе, опаздывают на работу, ссорятся, мирятся, рожают детей. А она — летит над всем этим в своём стеклянном коконе, и даже не знает, как зовут соседей по площадке.

Ровно в 8:15 пришло сообщение от Джейн, ассистентки: «Доброе утро! Машина будет в 8:45. Съёмка в Бруклине, студия Industry City, до 14:00. Потом ланч с представителями Dior в Sant Ambroeus на Мэдисон (подтверждено, Паола Рицци будет лично). Потом примерка для вечернего мероприятия в ателье на Мэдисон, 63rd. К 19:00 надо быть в отеле Plaza — гала-вечер фонда борьбы со СПИДом. Платье от Versace уже доставили, висит в гардеробной. Туфли Manolo Blahnik, клатч, украшения — всё в комплекте. Вечером список гостей: будет весь свет, включая Анну Винтур, Донателлу Версаче, нескольких голливудских звёзд. Будь готова к папарацци. Удачи!»

Ада набрала короткий ответ: «Ок».

Она не любила писать много. За эти годы научилась экономить слова — на съёмках, на интервью, на светских мероприятиях. Слова — это товар, который надо тратить с умом. Как и улыбки. Как и время.

В душе она стояла долго, подставляя лицо горячей воде. Потом крем, лёгкий макияж — только глаза и губы, волосы высушить феном, уложить локонами. Она делала это авто-

матически, руки двигались сами, а мысли были где-то далеко в Нессо, на кухне, где пахло яблочным пирогом и мать напевала старые песни.

Она оделась просто: джинсы, белая рубашка, пальто бежевое кашемировое, купленное в прошлом году в Милане. Удобные балетки — на съёмках придётся переобуваться в каблуки, так что пока можно позволить ногам отдых.

Ровно в 8:45 лифт доставил её вниз, в холл небоскрёба. Консьерж — пожилой негр в униформе — улыбнулся ей:

— Доброе утро, мисс Росси. Машина уже ждёт.

— Спасибо, Джордж. Хорошего дня.

— И вам удачной съёмки.

Она вышла на улицу. Утро было прохладным, октябрьским, но солнце уже пробивалось сквозь облака. Чёрный джип с затемнёнными стёклами стоял у тротуара. Водитель Майкл — здоровенный детина в тёмном костюме с наушником в ухе — открыл ей дверь.

— Доброе утро, мисс Росси. Кофе в термосе, свежие круассаны от «Balthazar». Всё как вы любите.

— Спасибо, Майкл. Вы ангел.

Он улыбнулся в зеркало заднего вида — за два года они успели привыкнуть друг к другу, насколько это возможно между моделью и водителем. Майкл знал её расписание лучше неё самой, знал, что она любит крепкий кофе с миндальным молоком и круассаны с миндалём, знал, что в машине она обычно молчит и смотрит в окно, пролистывая почту.

Он никогда не нарушал её покой, только изредка комментировал пробки или погоду.

— Съёмка в Бруклине, студия «Industry City». Пробок пока нет, будем минут через сорок. Можете поспать, если хотите.

— Не хочу, — покачала головой Ада. — Работаем.

Она забралась на заднее сиденье, достала телефон. Тридцать семь новых писем за ночь. Большинство — от агентов, стилистов, редакторов. Она научилась читать по диагонали, выхватывая главное: где, когда, сколько, кто ещё участвует.

Письмо от Бьянки выделялось жёлтым флажком:

«Ада, по поводу Calvin Klein — продление контракта на следующий сезон. Хотят подписать эксклюзив на лицо, но есть нюансы: требуют, чтобы ты не снималась для конкурентов в сегменте люкс. Надо обсудить. Позвони, когда будет окно. И ещё: поступали запросы от французского Vogue на большую статью, от Harper's Bazaar на обложку декабря, и от Armani — хотят тебя на весеннюю кампанию. Всё серьёзно, надо выбирать. Жду звонка».

Ада вздохнула. Эксклюзив — это деньги, это статус, это ещё больше обязательств. Это значит, что её лицо будет принадлежать одному бренду, и никому больше. Раньше она мечтала о таком. Теперь — не знала. Слишком много «нельзя», слишком много ограничений. А ей всегда нравилась свобода — даже иллюзорная.

Она пролистала дальше. Письма от стилистов с предложениями одежды для мероприятий, от пиарщиков с просьбами об интервью, от фотографов, которые хотели бы с ней поработать. Десятки писем, сотни предложений. Два года назад она бы прыгала от счастья. Теперь это просто рабочий процесс.

Машина нырнула в туннель, вынырнула на мост, и через полчаса они уже были в Бруклине, в районе, где старые склады переделывали под модные студии. Industry City — огромный комплекс из красного кирпича, где пахло кофе из местных обжарочных цехов и слышался стук станков из мастерских художников. Здесь было по-своему красиво: индустриальный шик, высокие потолки, огромные окна, металлические лестницы.

Майкл припарковался у входа в нужный корпус.

— Я буду здесь, — сказал он. — Если что — звоните.

— Спасибо, Майкл.

Ада вышла, подхватила сумку с необходимым и направилась внутрь.

Съёмочная площадка встретила её привычным хаосом: кабели под ногами, софиты, направленные в белый фон, люди с кофе в руках, кто-то кричит в телефон, кто-то бежит с вешалкой одежды. Ада любила и ненавидела этот хаос одновременно. В нём была энергия, драйв, но и полное отсутствие покоя. Здесь нельзя расслабиться, нельзя быть собой — ты всегда на работе, всегда под прицелом.

— Ада, детка! — К ней бросилась женщина в чёрном — Мишель, стилист, с которой они работали уже год. Высокая, худая, с короткой стрижкой и вечно озабоченным лицом. — Ты сегодня просто божественна! Иди скорее, Марк уже ждёт и нервничает. У него что-то с освещением, сам не свой.

— Что случилось? — спросила Ада, снимая пальто.

— Ассистент его любимый уволился вчера, теперь новый ничего не понимает. Марк мечется, ругается на всех. Ты его не провоцируй, ладно? Просто делай, что говорит.

— Я всегда делаю, — усмехнулась Ада.

Марк фотограф, молодой, но уже суперзвезда. Ему было двадцать восемь, но он вёл себя как старый ворчун. Снимал для Vogue, для Vanity Fair, для всех, кому надо было, чтобы модель выглядела не просто красиво, а дорого, со смыслом, с историей. Ада его уважала — за профессионализм, за чутьё, за то, что он никогда не позволял себе лишнего. Но работать с ним было тяжело.

Он стоял у монитора, хмурый, с чашкой кофе в руке. Увидел Аду — кивнул, даже не улыбнувшись.

— Раздевайся, — сказал он без предисловий. — Начнём с белья. Свет будет падать так, что нам нужен идеальный силуэт.

Ада кивнула, прошла в угол, где стояли вешалки с одеждой и ширма. Скинула джинсы, рубашку, осталась в крошечном бежевом комплекте, едва прикрывающем тело. На секунду замерла перед зеркалом. Два года назад она бы стес-

нялась такого белья, такой откровенности. А сейчас — привыкла. Тело — это инструмент, рабочий материал.

На площадке работали кондиционеры, было прохладно. Кожа покрылась мурашками — это даже хорошо, текстура будет интереснее, так Марк говорил.

Она вышла к свету.

Марк оглядел её, чуть склонив голову.

— Хорошо. Встань сюда. Повернись в профиль. Подбородок выше. Нет, ещё выше. Замри.

Щелчок. Щелчок. Щелчок.

Марк работал быстро, почти агрессивно. Он не объяснял, что хочет, просто командовал: «Так. Ещё. Повернись. Смотри на меня. Нет, не так, злее. Ты не девочка из рекламы мороженого, ты женщина, которая знает, чего хочет. Ты завоёвываешь этот город, поняла? Давай это покажи».

Ада подчинялась. Это была её работа — быть объектом, глиной, из которой фотограф лепит образ. Иногда это утомляло, иногда заводило. С Марком было тяжело, но результат всегда получался потрясающим. Она доверяла ему, хотя он редко говорил добрые слова.

— Хорошо, — сказал он через полчаса. — Перерыв. Переодеваемся, следующий образ — вечернее платье.

Ада выдохнула, накинула халат, отошла в угол. К ней тут же подлетела визажистка — поправить макияж, припудрить лоб.

— Ты как? — спросила она, работая кистью. Её звали Сте-

фани, она была молодой, лет двадцати пяти, с татуировками на руках и пирсингом в носу. Ада её любила за лёгкость и отсутствие пафоса.

— Нормально, — ответила Ада, закрыв глаза. — Марк сегодня злой.

— У него личное, — шепнула Стефани. — Говорят, расстался с девушкой. Она его бросила, ушла к какому-то продюсеру. Теперь он бешеный. Не бери в голову, это не про тебя.

— Я и не беру. — Ада вздохнула. — Просто устала немного.

— Устала? Ты? — Стефани усмехнулась. — Ты же машина. Я ещё ни разу не видела, чтобы ты жаловалась. Даже когда три часа под софитами стоишь.

— Жаловаться бесполезно, — пожала плечами Ада. — Работа есть работа.

— Это да. — Стефани закончила с пудрой, отошла на шаг, оценивая результат. — Готово. Иди переодевайся.

Ада пошла к вешалкам. Мишель уже ждала её с платьем — длинным, чёрным, с открытой спиной.

— Это от Versace, — сказала она, помогая застёгивать молнию. — Пробный вариант, для вечера не оно, но для съёмки пойдёт. Сидит идеально.

Ада посмотрела в зеркало. Платье облегло фигуру, как вторая кожа. Дорого, элегантно, сексуально. Она выглядела... идеально. Как картинка из журнала.

— Красиво, — сказала она без эмоций.

— Ты не представляешь, сколько девчонок мечтали бы оказаться на твоём месте, — заметила Мишель. — Ты же лицо сезона, детка. Все хотят тебя.

— Знаю.

— И не радуется?

Ада посмотрела на неё.

— Радует, — сказала она, но обе знали — неправда.

Следующие два часа пролетели в том же ритме. Марк командовал, Ада поворачивалась, замирала, смотрела в камеру. Свет менялся, фон менялся, одежда менялась. Она делала свою работу.

В перерыве между образами к ней подошла Стефани с телефоном в руке.

— Слушай, — сказала она тихо, — ты слышала про Марину? Ну, русскую модель, с которой мы работали в прошлом месяце?

Ада нахмурилась, вспоминая. Высокая блондинка с глазами цвета льда, очень худая, очень нервная. Снимались вместе для какого-то каталога.

— Помню. А что?

— Сорвалась. — Стефани понизила голос до шёпота. — В прямом смысле. На неделе была истерика на показе в Париже, её увезли прямо с подиума. Говорят, нервный срыв, анорексия, плюс кокаин. Всё вместе. Сейчас в клинике, врачи говорят, месяц минимум, а может, и больше.

Ада молчала, переваривая информацию.

— Двадцать два года, — продолжала Стефани. — Красивая была девочка. А теперь — если выкарабкается, то уже не модель. Кто возьмёт с таким диагнозом?

— Жалко, — сказала Ада тихо.

— Жалко, — согласилась Стефани. — Но такова жизнь, да? У нас тут многие ломаются. Ты держись.

— Я держусь.

— Я знаю. — Стефани улыбнулась. — Ты крепкая. Я сразу это поняла, когда мы впервые встретились. У тебя стержень есть. А у этих... — она махнула рукой в сторону выхода, подразумевая, видимо, весь мир моды, — у этих стержня нет. Они красивые, но пустые. А ты другая.

Ада не ответила. Она думала о Марине, о той девочке, которую видела всего пару раз, но которая теперь, возможно, потеряет всё. И о себе думала. О том, где кончается работа и начинается жизнь. О том, есть ли у неё самой этот стержень, о котором говорит Стефани, или она просто хорошо его прячет.

— Ада, на площадку! — крикнул ассистент.

Она допила воду, скинула халат и пошла обратно в свет софитов.

Съёмка закончилась в начале второго. Ада устала так, что ноги гудели, а спина затекла от бесконечных поз. Но расслабляться было нельзя — впереди ланч с Dior.

Она быстро переоделась в своё, набросала поверх пальто

и вышла. Майкл ждал у входа.

— Как прошло? — спросил он, открывая дверь.

— Нормально. В Sant Ambroeus, пожалуйста.

Машина тронулась. Ада откинулась на сиденье, закрыла глаза. В голове крутились кадры, свет, команды Марка. И ещё — история Марины. Она пыталась не думать об этом, но не получалось.

— Майкл, — сказала она вдруг, — вы давно водителем работаете?

— Лет пятнадцать, — ответил он, удивлённый вопросом.
— А что?

— Видели много моделей?

— Хватало.

— И какие они?

Майкл помолчал, потом ответил:

— Разные. Нормальные есть, как вы. А есть... — Он покачал головой. — Некоторые ломаются быстро. Давление большое, вы же знаете. Конкуренция, диеты, вечно все недовольны. Я одну возил, она в клинику попала, как ваша знакомая, про которую вы говорили. Хорошая девочка была, а не выдержала.

— И что с ней?

— Уехала домой, в Огайо какой-то. Замуж вышла, де-

тей родила. Говорит, это лучшее, что со мной случилось. — Майкл усмехнулся. — Может, оно и правда.

Ада замолчала. Смотрела в окно на проплывающий Бруклин, на мост, на Манхэттен вдалеке. И думала: а что лучше? Слава, деньги, успех — или дом, семья, покой? Раньше она знала ответ. Раньше она рвалась в бой, хотела доказать всем, что она чего-то стоит. А теперь...

Машина домчала её до Sant Ambroeus на Мэдисон-авеню — стильного итальянского ресторана, где любили обедать редакторы журналов и топ-модели. Белые скатерти, хрустальные люстры, официанты в чёрном, пахнет кофе и свежей выпечкой. Ада вошла внутрь, и её тут же узнали — метрдотель улыбнулся, проводил к отдельному столику в углу, где уже сидели двое: элегантная женщина лет пятидесяти в твидовом жакете и молодой человек в очках, похожий на типичного пиарщика.

— Signorina Rossi! — женщина поднялась, протянула руку. — Я Паола Рицци, директор по коммуникациям Dior в США. А это мой коллега, Марк Томпсон, менеджер по работе с талантами.

Ада пожала руки, села. Официант тут же подошёл с меню. — Минеральную воду без газа и салат с креветками, — заказала Ада. — Заправку отдельно.

Паола одобрительно кивнула:

— Правильный подход. Многие модели позволяют себе лишнее, а потом жалеют.

— Я давно в этом бизнесе, — улыбнулась Ада. — Знаю цену ошибкам.

— Это хорошо, — Паола отпила воды. — Мы смотрели ваши последние работы. Особенно съёмку для Vogue. Это было великолепно. У вас есть то, что мы ищем: элегантность, сдержанность, но при этом характер. Именно такой мы видим женщину Dior.

— Спасибо, — кивнула Ада.

— Мы хотели бы предложить вам сотрудничество, — продолжила Паола, переходя к делу. — Не просто разовые съёмки, а долгосрочный контракт. Лицо Dior для линии косметики и, возможно, для прет-а-порте. Вы будете представлять бренд на показах, в рекламных кампаниях, на мероприятиях. Это серьёзный шаг для вашей карьеры.

У Ады внутри ёкнуло. Dior — это вершина. Это уровень, о котором мечтает каждая модель. Но она уже научилась не показывать эмоции.

— Звучит интересно, — сказала она спокойно. — Какие условия?

Марк Томпсон открыл папку и начал перечислять:

— Эксклюзивность в сегменте люкс на территории США и Европы. Это значит, что вы не можете сниматься для конкурентов — Chanel, Gucci, Prada, Armani. Минимум две съёмки в год для косметической линии, участие в показах (два показа в год, Милан и Париж), обязательное присутствие на ключевых мероприятиях бренда. Гонорар — вот

здесь.

Он протянул ей лист бумаги. Ада увидела цифру и чуть не поперхнулась. Сумма была астрономической миллион долларов в год плюс бонусы за дополнительные съёмки. Такую она даже не могла себе представить пару лет назад.

— Я должна посоветоваться с агентом, — сказала она, сохраняя невозмутимость. — Бьянка захочет обсудить детали.

— Конечно, — улыбнулась Паола. — Мы не торопим. Но, скажем так, предложение действует до конца месяца. Потом, возможно, придётся рассмотреть других кандидатов. У нас есть ещё две модели на примете, но вы — наш приоритет.

Ада кивнула. Она знала эту игру: создавать иллюзию дефицита, заставлять соглашаться быстрее.

— Я понимаю. Думаю, мы сможем дать ответ в ближайшие две недели.

— Прекрасно. — Паола откинулась на спинку стула. — А теперь расскажите о себе. Мы знаем вашу официальную биографию, но мне интересно, что вы за человек. Откуда вы родом?

— Из маленькой деревни на озере Комо, — ответила Ада. — Нессо. Там даже супермаркета нет, только маленькая лавка.

— Правда? — Паола удивилась. — А я думала, вы из Милана или Рима. Как вы попали в модели?

— Случайно. Фотограф заметил меня в баре, где я работала. Предложил попробовать. Я согласилась, потому что нуж-

ны были деньги. Семья жила бедно.

Паола смотрела на неё с интересом.

— И вы не стесняетесь этого?

— А чего стесняться? — пожала плечами Ада. — Это моя жизнь. Я горжусь тем, что сама всего добилась.

— Это правильно, — кивнула Паола. — Именно такие люди нам и нужны. Те, кто знает цену труду.

Ланч продолжался ещё час. Они говорили о коллекциях, о трендах, о планах на следующий сезон. Паола оказалась приятной собеседницей — умной, острой, без пафоса. Марк больше молчал, только записывал что-то в блокнот. Ада вежливо улыбалась, кивала, задавала правильные вопросы. Но внутри крутилось одно: Dior. Это всё меняет.

Выходя из ресторана, она поймала себя на мысли, что даже не попробовала еду. Салат так и остался почти нетронутым. Она вздохнула — вечная история.

Майкл уже ждал у входа.

— Куда теперь?

— Примерка на Мэдисон, 63-я.

Примерка в ателье заняла ещё два часа. Платье от Versace, в котором она должна была появиться вечером, оказалось настоящим произведением искусства: чёрный шёлк, глубокое декольте, разрез до бедра, расшитый тысячами крошечных кристаллов, которые переливались при каждом движении. Оно сидело идеально, но Ада всё равно стояла смиренно, пока портниха закалывала булавками несуществующие

складки.

— Вы будете королевой вечера, — прошептала ассистентка, поправляя подол.

Ада посмотрела на себя в зеркало. Из отражения на неё глядела незнакомка — красивая, дорогая, чужая. Идеальная картинка, за которой ничего нет.

— Спасибо, — ответила она автоматически.

После примерки она заскочила домой — принять душ, переодеться, собраться с мыслями. В квартире было тихо, только город шумел за окном. Она постояла под горячей водой минут двадцать, пытаюсь смыть усталость и напряжение. Потом долго смотрела на платье, висящее на дверце шкафа.

Стефани прислала сообщение: «Удачи вечером! Ты будешь бомба!»

Ада улыбнулась, набрала в ответ: «Спасибо».

Потом позвонила Бьянке. Коротко пересказала разговор с Dior.

— Миллион? — голос Бьянки дрогнул, хотя она старалась держаться профессионально. — Ада, это серьёзно. Я изучу контракт, но, кажется, нам стоит соглашаться.

— Я тоже так думаю.

— Только помни про эксклюзив. Armani придётся отдать. Они расстроятся.

— Знаю. — Ада вздохнула. — Но Armani было два года назад. А Dior — это сейчас.

— Верно. Ладно, работай. Вечером удачи. И не пей много.

— Не пью вообще.

— Умница.

Ада нажала отбой и начала собираться.

Визажист и парикмахер приехали в шесть. Час колдовали над её лицом и волосами, пока Ада сидела смирно, позволяя себя раскрашивать. Результат был впечатляющим: глаза стали огромными, глубокими, губы — чувственными, кожа — сияющей. Волосы уложили мягкими волнами, спадающими на плечи.

Она надела платье, туфли десятисантиметровые шпильки от Manolo Blahnik, клатч, украшения серьги с бриллиантами и браслет, взятые напрокат у ювелирного дома. В зеркало смотрела уже не Ада из Нессо, а Ада Росси, мировая звезда.

— Вы готовы, — объявила визажистка. — Идите и покоряйте.

Майкл ждал внизу. Когда Ада вышла из лифта, он привистнул:

— Ничего себе. Вы сегодня просто огонь.

— Спасибо, Майкл. Поехали.

Отель Plaza встретил её морем огней. Старое здание с позолоченными колоннами и красной ковровой дорожкой, по которой уже ступали туфли на высоченных каблуках. Вспышки фотокамер ослепили, когда Ада вышла из машины. Она улыbnулась привычной улыбкой — не широкой, а сдержанной, загадочной, той, которой научилась за годы перед объективами. Сделала несколько шагов, давая себя сфо-

тографировать, потом скользнула внутрь, где было тепло, пахло дорогими духами и звенели бокалы.

Огромный зал сиял хрустальными люстрами. Столы, накрытые белоснежными скатертями, ломились от цветов и серебряных приборов. Официанты в ливреях разносили шампанское на подносах. Гости — мужчины в смокингах, женщины в вечерних платьях, сверкающие драгоценностями, — перетекали от одной группы к другой, обменивались улыбками, воздушными поцелуями, дежурными фразами.

Ада взяла бокал с шампанским, просто чтобы занять руки, и пошла вдоль столов, здороваясь со знакомыми лицами. Вот главный редактор американского Vogue — Анна Винтур, величественная, в солнцезащитных очках, хотя уже вечер, в своём неизменном платье-футляре и с идеальным каре. Она кивнула Аде — высшая степень одобрения.

— Ада, дорогая, — сказала Анна своим ровным голосом, — отличные снимки в прошлом месяце. Продолжайте в том же духе.

— Спасибо, Анна. Для меня честь.

— Не расслабляйтесь. — Анна чуть улыбнулась. — Индустрия не прощает остановок.

— Я помню.

Дальше — Донателла Версаче, яркая, экспрессивная, в облегающем золотом платье. Она обняла Аду, расцеловала в обе щеки.

— Bambina! Ты сегодня божественна! Это моё платье?

Да?

— Ваше, Донателла. Я счастлива его носить.

— Ты должна прийти на мой показ в Милане. Обязательно. Я пришлю приглашение.

— Буду ждать.

Потом фотограф, снимавший её для обложки, какой-то актёр, чьё лицо Ада знала, но имя забыла, пара дизайнеров, редактор французского Vogue. Все улыбались, все говорили приятные слова, но Ада чувствовала: это игра. Маскарад, где каждый играет свою роль.

Она уже собиралась найти свой столик и просто переждать вечер, когда услышала голос за спиной. Голос, от которого почему-то побежали мурашки по коже.

— Ада Росси? Не может быть.

Она обернулась.

Перед ней стоял мужчина. Высокий, чуть выше неё, даже на каблуках, с тёмными волосами, аккуратно уложенными, и глазами такого глубокого карего цвета, что в них хотелось смотреть бесконечно. Лет тридцати двух, в идеально сидящем смокинге, с бабочкой, завязанной явно не руками официанта, а собственными — с лёгкой небрежностью, выдающей привычку к таким нарядам. Он улыбался — не той дежурной улыбкой, которой здесь улыбались все, а искренне, удивлённо, как будто встретил старого друга.

— Простите, — сказал он с лёгким итальянским акцентом, который делал его голос ещё приятнее. — Я не хотел

вас напугать. Просто я видел столько ваших фотографий, что мне показалось, будто мы знакомы. А вживую вы... — Он сделал паузу, словно подбирая слова. — Вы совсем другая.

— Другая? — переспросила Ада, чувствуя, как что-то тёплое разливается в груди. — В каком смысле?

— Лучше, — просто сказал он. — На фотографиях вы красивая. А в жизни — живая. Это большая разница.

Ада не знала, что ответить. Compliments она слышала каждый день, сотнями, от мужчин и женщин, от журналистов и просто прохожих. Но этот прозвучал иначе. В нём не было привычной слащавости, не было желания что-то получить. Просто констатация факта, от которого почему-то захотелось улыбнуться.

— Спасибо, — сказала она. — А вы...

— Лоренцо, — он слегка поклонился, чисто по-итальянски, изящно. — Лоренцо Контти. Можно просто Лоренцо.

Глава 6. Тосканская симфония

Ночной Нью-Йорк сиял миллионами огней, но Ада их не замечала.

Она стояла на тротуаре у отеля Plaza, всё ещё чувствуя на запястье тепло его губ. Лоренцо ушёл так же внезапно, как появился поцеловал руку, улыбнулся и растворился в толпе гостей, оставив после себя только лёгкий запах дорогого парфюма и странное волнение в груди.

Ада смотрела ему вслед, пока высокая фигура в идеальном смокинге не скрылась за поворотом. Сердце билось где-

то в горле, и это было так непривычно — за два года она привыкла контролировать всё, включая собственные эмоции. А тут — как девочка-подросток, честное слово.

— Мисс Росси? — швейцар отеля почтительно склонил голову. — Машина подана.

— Да, спасибо.

Она скользнула на заднее сиденье, Майкл тронулся с места. Город поплыл за окном цветными огнями, но Ада смотрела в одну точку, прокручивая в голове каждое слово, каждый взгляд, каждую интонацию.

«Ты самая прекрасная женщина, которую я встречал. Позволь мне доказать это».

Она усмехнулась собственным мыслям. Сколько раз она слышала подобное? Сотни. Тысячи. Мужчины говорили ей это каждый день — на съёмках, на мероприятиях, просто на улице. Красивые слова, за которыми обычно ничего не стоит. Но сегодня... сегодня было иначе.

— Майкл, — сказала она вдруг, — как вы думаете, бывает любовь с первого взгляда?

Майкл посмотрел на неё в зеркало заднего вида, удивлённо подняв бровь. За два года работы она никогда не задавала ему личных вопросов.

— Мисс Росси, я водитель, не философ, — усмехнулся он. — Но, если честно... я с женой тридцать лет живём, познакомились в автобусе. Она села, я посмотрел и понял: всё. Так что да, бывает.

— В автобусе? — переспросила Ада.

— В автобусе. Она на работу ехала, я тоже. Увидел и пропал. Три месяца ходил за ней, пока согласилась на свидание.

— Майкл улыбнулся воспоминаниям. — А теперь внуков нянчим.

— Красивая история.

— Жизнь, мисс Росси, она красивее любых сказок. Главное — не бояться.

Ада замолчала. Смотрела в окно, но видела не огни Манхэттена, а карие глаза, которые смотрели на неё так, будто она — самое ценное, что есть в этом мире.

Утро началось с сообщения.

Ада ещё спала, когда телефон завибрировал на тумбочке. Она протянула руку, глянула на экран сквозь сонную пелену: незнакомый номер. Хотела отложить, но палец сам нажал «открыть».

«Доброе утро, Ада. Это Лоренцо Конти. Надеюсь, я не слишком рано. Вчера я забыл спросить самое главное: когда я могу увидеть вас снова? Если честно, я не спал всю ночь, думая об этом. И о вас. Л.»

Ада села на кровати, прижимая телефон к груди, как школьница. Глупо. Смешно. Ей двадцать три года, она топ-модель, её лицо на обложках Vogue, а она краснеет от сообщения незнакомого мужчины.

Она набрала ответ: «Доброе утро. Я тоже не спала. Сегодня у меня съёмка до шести. Потом свободна».

Отправила и сразу пожалела. Слишком откровенно. «Я тоже не спала» — что он подумает? Что она влюбилась с первого взгляда? Хотя... а разве нет?

Телефон снова завибрировал: «В шесть я буду ждать вас у выхода со съёмок. Только скажите адрес».

«Вам не кажется, что это слишком? Мы знакомы меньше суток».

«Мне кажется, что жизнь слишком коротка, чтобы ждать. И слишком длинна, чтобы тратить её на сомнения. Адрес?»

Ада улыбнулась и набрала адрес студии в Челси.

День тянулся невыносимо долго.

Съёмка для Harper's Bazaar должна была быть лёгкой, осенняя коллекция, пастельные тона, спокойная атмосфера. Но Ада не могла сосредоточиться. Фотограф, знаменитый Питер Линдберг, работавший с самыми великими, заметил её рассеянность.

— Ада, — сказал он на втором часе, — ты где? Ты здесь телом, а мыслями — в другом месте. Вернись.

— Простите, Питер. — Она тряхнула головой. — Давайте ещё раз.

Она заставила себя собраться. Работа есть работа. Лоренцо подождёт. Но внутри всё дрожало от предвкушения.

В пять пятьдесят пять съёмка закончилась. Ада переоделась молниеносно, бросив ассистентке: «Всё потом, завтра». Выбежала на улицу, и сердце остановилось.

Лоренцо стоял у тротуара, прислонившись к старинному

чёрному «ягуару». На нём были простые джинсы, белая рубашка, кожаная куртка — совсем не тот элегантный граф со вчерашнего вечера, а обычный, живой, настоящий. В руках он держал букет белых пионов — её любимых, хотя откуда он мог знать?

— Откуда вы знаете, что я люблю пионы? — спросила она вместо приветствия.

— Я не знал, — улыбнулся он. — Просто они показались мне такими же нежными, как вы. Угадал?

Ада взяла букет, вдохнула запах. Пионы пахли летом, детством, чем-то забытым.

— Угадали.

— Садитесь. — Он открыл перед ней дверцу «ягуара». — У меня для вас сюрприз.

— Какой?

— Если скажу — будет не сюрприз.

Машина тронулась. Лоренцо вёл уверенно, легко лавируя в вечерних пробках. Они говорили о пустяках — о погоде, о Нью-Йорке, о съёмках. Ада рассказала о Питере Линдберге, о том, как он требователен, но как прекрасны его снимки. Лоренцо слушал внимательно, задавал вопросы, смотрел на неё так, будто каждое её слово — драгоценность.

— Куда мы едем? — не выдержала она наконец.

— Закройте глаза.

— Серьёзно?

— Совершенно.

Ада закрыла. Машина петляла, останавливалась, снова ехала. Минут через десять Лоренцо сказал:

— Открывайте.

Они стояли на набережной Бруклина, напротив Манхэттена. Солнце садилось, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Небоскрёбы горели в лучах заката, вода переливалась, и весь город казался ненастоящим, нарисованным.

— Боже, — выдохнула Ада.

— Я подумал, что после вчерашнего пафоса нам нужно что-то простое. — Лоренцо достал из багажника плед и корзину. — Смотрите: вино, сыр, хлеб. Настоящий французский багет. И вид, который не нуждается в представлении.

Они расстелили плед прямо на набережной, сели, глядя на заходящее солнце. Лоренцо открыл вино, налил в пластиковые стаканчики.

— За новые встречи, — сказал он.

— За новые встречи.

Вино было лёгким, фруктовым, совсем не похожим на те дорогие напитки, которые подавали вчера на гала-вечере.

— Расскажите о себе, — попросил Лоренцо. — Не то, что написано в Википедии. А настоящее.

Ада задумалась. Обычно она не любила такие вопросы — слишком личные, слишком откровенные. Но здесь, с ним, на закате, под это лёгкое вино, почему-то захотелось рассказать.

— Я из деревни, — начала она. — Нессо, на озере Комо.

Там даже супермаркета нет, только маленькая лавка. Мы жили бедно. Я спала в одной комнате с сестрой, по утрам пила цикорий вместо кофе, потому что настоящий был слишком дорогой. Отец работал на стройке, мать шила ночами. Я пошла в модели, потому что хотела им помочь.

— И помогли?

— Да. — Ада улыбнулась. — Теперь у них новый дом, отец открыл мастерскую, мать не работает, занимается детьми. Сестра учится во Флоренции, брат гоняет в футбол. Всё хорошо.

— Вы невероятная, — тихо сказал Лоренцо.

— Почему?

— Потому что вы не стесняетесь своего прошлого. Не пытаетесь его спрятать. Большинство людей на вашем месте делают вид, что всегда жили в роскоши.

— А я не хочу делать вид. — Ада посмотрела на город. — Это прошлое сделало меня той, кто я есть. Я не хочу его забывать.

Лоренцо молчал, глядя на неё. В его глазах было что-то такое, от чего у Ады перехватывало дыхание.

— А вы? — спросила она. — Расскажите о себе. Настоящем.

Он усмехнулся, отпил вина.

— Моя история скучнее. Я родился в Тоскане, в семье, которая живёт там пятьсот лет. У нас есть вилла, виноградники, оливковые рощи. Всё очень красиво и очень... тяжело.

Содержать такое хозяйство — это каторга. Мой прадед продал половину земель, чтобы жениться на американке. Дед продал ещё четверть, чтобы построить дорогу. Отец продал почти всё, чтобы сохранить то, что осталось. А я теперь пытаюсь вернуть утраченное.

— Зачем?

— Затем, что это наше. Это дом. Вы же понимаете, что такое дом.

— Понимаю, — кивнула Ада.

— Я учился в Лондоне, работал в финансах, заработал деньги и теперь вкладываю их в семейное дело. Восстанавливаю виноградники, делаю вино, пытаюсь вернуть былую славу. Это медленно, трудно, но... это моё.

— Вы счастливы?

Вопрос повис в воздухе. Лоренцо задумался.

— Не знаю, — ответил он честно. — Иногда да. Иногда нет. А вы?

Ада смотрела на закат. Солнце почти скрылось за горизонтом, оставив только розовую полосу.

— Я не знаю, что такое счастье, — сказала она. — Я знаю, что такое успех. Что такое деньги. Что такое признание. А счастье... оно ускользает.

— Может, мы ищем не там?

— Может быть.

Они замолчали. Город зажигал огни, один за другим, и вскоре Манхэттен засиял тысячами звёзд. Было прохладно,

и Ада поёжилась. Лоренцо тут же снял куртку и накинул ей на плечи.

— Спасибо.

— Не за что.

Его рука задержалась на её плече на секунду дольше, чем нужно. Ада чувствовала тепло его пальцев даже сквозь ткань куртки.

— Лоренцо... — начала она.

— Я знаю, — перебил он мягко. — Я знаю, что мы знакомы два дня. Знаю, что у вас своя жизнь, своя карьера, свои планы. Но я не могу упустить этот шанс. Шанс узнать вас.

— А если я разобью вам сердце?

Он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у неё подкашивались колени.

— Тогда это будет самая красивая катастрофа в моей жизни.

Ада смотрела в его глаза и понимала, что пропала. Со всем. Безнадёжно. Как девочка, которая впервые влюбилась.

— Поцелуй меня, — прошептала она.

И он поцеловал.

Мягко, осторожно, как будто боялся разбудить. Его губы были тёплыми, пахли вином и чем-то древесным, естественным. Ада закрыла глаза и отдалась этому моменту. Впервые за долгое время она не контролировала ничего. Просто чувствовала.

Когда они оторвались друг от друга, над городом уже за-

жглись все огни.

— Я пропал, — сказал Лоренцо хрипло.

— Я тоже.

Следующие две недели пролетели как один миг.

Они виделись каждый день. Лоренцо встречал её после съёмок, они гуляли по городу, ужинали в маленьких рестораниках, которые знал только он, пили вино на набережной, смотрели на звёзды. Он рассказывал ей о Тоскане, о вине, о семейных традициях. Она рассказывала о Нессо, о родителях, о том, как мечтала вырваться из бедности.

Однажды вечером, сидя в уютном кафе в Гринвич-Виллидж, Лоренцо взял её за руку и сказал:

— Ада, я должен тебе кое-что сказать.

— Что?

— У меня есть билеты во Флоренцию. На послезавтра. Я хочу, чтобы ты поехала со мной. Познакомилась с моей семьёй. Увидела Тоскану. Настоящую.

Ада замерла. Флоренция. Семья. Это было серьёзно. Слишком серьёзно.

— Лоренцо, я не могу. У меня работа, контракты, съёмки...

— Я знаю. — Он смотрел на неё не отрываясь. — Но работа будет всегда. А такое бывает раз в жизни. Просто подумай.

Она думала всю ночь. Лежала в своей огромной кровати, смотрела в потолок и представляла Тоскану, виноградники,

старую виллу. И его семью. Его мать, отца, возможно, сестёр или братьев. Страшно. До дрожи страшно.

Утром она позвонила Бьянке.

— Бьянка, мне нужно на неделю уехать.

— Куда? Зачем? — Голос агента был напряжённым. — У тебя съёмки, Ада.

— Я знаю. Перенеси всё, что можно перенести. Отмени, если надо. Я должна уехать.

Пауза.

— Это из-за мужчины?

— Да.

— Ада, ты с ума сошла? Ты на пике карьеры, а хочешь бросить всё ради какого-то...

— Не ради какого-то, — перебила Ада твёрдо. — Ради себя. Ради того, чтобы понять, что мне нужно на самом деле.

Бьянка вздохнула.

— Ты уверена?

— Уверена.

— Хорошо. Я что-нибудь придумаю. Но если ты облажаешься...

— Не облажаюсь.

Вечером она позвонила Лоренцо.

— Я лечу с тобой.

Он примчался к ней через полчаса, схватил на руки, закружил по комнате.

— Ты не пожалеешь, — шептал он. — Обещаю, ты не по-

жалеешь.

Флоренция встретила их золотой осенью.

Воздух здесь был совсем другим — мягким, тёплым, пахнущим вином и каштанами. Ада стояла на площади Синьории, задрав голову к статуям, и не верила, что это происходит на самом деле.

— Это как сон, — прошептала она.

— Нет, — улыбнулся Лоренцо, обнимая её за плечи. — Это явь. И это только начало.

Они поселились в маленьком отеле в центре, хотя Лоренцо предлагал сразу ехать на виллу. Ада настояла на отеле — хотела сначала привыкнуть, осмотреться, понять.

— Познакомлю с семьёй завтра, — сказал он. — А сегодня город твой.

Они гуляли по узким улочкам, заходили в маленькие мастерские, где ремесленники делали украшения и керамику, ели мороженое на площади Дуомо, сидели на ступенях церкви Санта-Кроче и смотрели на закат.

— Я никогда не была так счастлива, — призналась Ада.

— Я тоже.

Вечером они ужинали в ресторанчике на берегу Арно. Река отражала огни, где-то играла музыка, пахло жареной рыбой и травами.

— Завтра будет важный день, — сказал Лоренцо. — Моя мама... она может показаться холодной. Но ты не обращай внимания. Она просто переживает за меня.

— Переживает?

— Я никогда не привозил домой девушек. — Он улыбнулся. — Ты первая.

У Ады ёкнуло сердце.

— А если я ей не понравлюсь?

— Понравишься. — Он поцеловал её руку. — Как можно не понравиться?

Утро началось с волнения.

Ада перемерила всё, что взяла с собой, и в итоге остановилась на простом шерстяном платье цвета слоновой кости, мягких сапогах и кашемировом пальто. Минимум макияжа, волосы распущены. Она хотела быть собой, не игрой.

Лоренцо ждал внизу, в холле отеля. Увидев её, присвистнул:

— Ты прекрасна.

— Я боюсь.

— Не бойся. Я рядом.

Вилла Конти находилась в получасе езды от Флоренции, на холме, откуда открывался вид на долину, покрытую виноградниками. Когда машина подъехала к воротам, у Ады перехватило дыхание.

Старинная каменная вилла, увитая плющом, с башенками и арочными окнами, стояла посреди золотого парка. Вокруг

— ряды виноградников, уходящие за горизонт. Воздух пах землёй, вином и осенью.

— Боже, — выдохнула Ада.

— Красиво? — улыбнулся Лоренцо.

— Не то слово.

Они въехали в ворота, припарковались у главного входа. Дверь открылась, и на пороге появилась женщина. Высокая, статная, с седыми волосами, собранными в пучок, и глазами такими же карими, как у Лоренцо. На ней было простое чёрное платье и жемчужные бусы.

— Мама, — Лоренцо подошёл к ней, поцеловал в обе щеки. — Это Ада.

Женщина смотрела на неё изучающе, без улыбки. Ада выдержала взгляд, хотя внутри всё дрожало.

— Добрый день, синьора, — сказала она по-итальянски. — Спасибо, что пригласили.

— Добрый день, — ответила женщина. Голос у неё был низкий, спокойный. — Лоренцо много о вас рассказывал. Проходите.

Они вошли в дом. Внутри было прохладно, пахло деревом и воском. Старинная мебель, картины на стенах, огромный камин. Ада чувствовала себя муравьём в этом величии.

— Я приготовила комнату на втором этаже, — сказала синьора Конти. — Надеюсь, вам будет удобно.

— Спасибо.

— Отдыхайте с дороги. Ужин в семь.

Она удалилась так же величественно, как появилась. Ада выдохнула.

— Ну как я? — шепнула она Лоренцо.

— Отлично. Мама просто присматривается. Она всегда так.

Комната оказалась огромной, с видом на виноградники. Ада подошла к окну, прижалась лбом к стеклу.

— Это невероятно, — прошептала она.

Лоренцо обнял её сзади.

— Подожди, завтра покажу тебе всё. Сегодня просто отдохни.

Ужин прошёл в напряжённой тишине. Кроме матери, за столом был ещё отец Лоренцо — молчаливый мужчина с седой бородой и добрыми глазами. Он почти не говорил, только изредка поглядывал на Аду и улыбался.

— Вы модель? — спросила синьора Конти за десертом.

— Да, синьора.

— Тяжёлая работа?

— Разная. Но я её люблю.

— Моя дочь тоже хотела быть моделью, — вдруг сказала синьора Конти. — В юности. Но я не позволила.

— Мама, — мягко сказал Лоренцо.

— Что? Я просто говорю. — Она посмотрела на Аду. — Вы не думали о том, что будете делать дальше? Мода — это не навсегда.

— Думаю, — ответила Ада спокойно. — У меня есть пла-

ны.

— Какие?

— Инвестировать в недвижимость, открыть свой бизнес. Может быть, агентство.

Синьора Конти чуть приподняла бровь, кажется, удивлённо.

— Это разумно.

Больше она ничего не сказала. Но Ада почувствовала, что лёд тронулся.

Ночью они лежали в её комнате, глядя в потолок.

— Твоя мама меня боится, — сказала Ада.

— Не боится. Просто привыкает. Она всегда так.

— А если не привыкнет?

— Привыкнет. — Лоренцо повернулся к ней, взял за руку. — Ты не представляешь, как долго я ждал такую, как ты. Я не отступлю.

Ада смотрела в его глаза и верила.

Следующие дни были волшебством.

Лоренцо показывал ей Тоскану. Они ездили по маленьким городкам, затерянным в холмах, пили вино в погребах, где бочки хранились столетиями, гуляли по средневековым улочкам, где время остановилось. Он водил её в крошечные церкви, где фрески писали ученики Джотто, в остерии, где подавали пасту, сделанную руками столетних старух, на виноградники, где лозы гнулись под тяжестью гроздей.

— Смотри, — говорил он, обводя рукой горизонт, — это

всё делали мои предки. Пятьсот лет. Представляешь?

— Представляю.

Однажды они устроили пикник на вершине холма. Расстелили плед, разложили сыр, хлеб, вино. Внизу лежала долина, покрытая жёлтыми и красными пятнами осенних деревьев. Небо было таким синим, что казалось нарисованным.

— Я люблю тебя, — вдруг сказал Лоренцо.

Ада замерла с куском хлеба в руке.

— Что?

— Я люблю тебя, Ада. Я знаю, это безумие. Знаю, мы знакомы две недели. Но я никогда не чувствовал ничего подобного.

Она смотрела на него и видела в его глазах отражение неба и свою собственную душу.

— Я тоже, — прошептала она. — Я тоже тебя люблю.

Он поцеловал её, и весь мир исчез. Остались только они, холм, вино и бесконечное тосканское небо.

На четвёртый день случилось то, что Ада меньше всего ожидала.

Они вернулись на виллу после долгой прогулки, уставшие и счастливые. В гостиной их ждала синьора Конти — и не одна. Рядом с ней сидела девушка. Молодая, красивая, с длинными чёрными волосами и глазами, полными слёз.

— Лоренцо, — сказала мать тихо, — Кьяра приехала.

Ада почувствовала, как рука Лоренцо, лежащая на её талии, напряглась.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он холодно.

Девушка встала, посмотрела на Аду, потом на него.

— Я ошиблась, — сказала она дрожащим голосом. — Луйджи... это была ошибка. Я люблю тебя. Прости меня.

Ада похолодела. Кьяра. Бывшая. Та, что бросила его ради другого. И теперь вернулась.

— Кьяра, уходи, — сказал Лоренцо жёстко.

— Лоренцо, прошу тебя...

— Ты слышала. Уходи.

Девушка разрыдалась, выбежала из комнаты. Синьора Конти поднялась, посмотрела на сына с укором.

— Лоренцо, она приехала издалека. Ты мог бы хотя бы выслушать.

— Я не хочу её слушать. — Он повернулся к Аде. — Пойдём.

Они вышли в сад. Ада молчала, пытаясь переварить увиденное.

— Кто она? — спросила наконец.

— Моя бывшая. Мы были вместе три года. Она ушла к моему другу, когда я пытался спасти бизнес. Сказала, что я неудачник.

— И теперь вернулась.

— И теперь вернулась, — эхом повторил он. — Ада, посмотри на меня.

Она подняла глаза.

— Я не хочу её. Мне никто не нужен, кроме тебя. Ты ве-

ришь мне?

Ада смотрела в его глаза. В них была правда. Чистая, настоящая.

— Верю, — сказала она.

Он обнял её, прижал к себе так крепко, будто боялся потерять.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что ты есть.

Вечером Кьяра уехала. Ада видела в окно, как её машина скрывается за воротами. На душе было беспокойно, но внутри росло что-то другое — уверенность. Лоренцо выбрал её. Не колеблясь.

Синьора Конти за ужином была молчалива. Только в конце, когда Ада помогла ей убрать со стола, вдруг сказала:

— Кьяра ему подходила по положению и воспитанию.

— Ясно, синьора.

— Зовите меня Франческа. — Впервые за все дни женщина улыбнулась в ответ. — Добро пожаловать в семью.

Ада улыбнулась.

Последний день во Флоренции был особенным.

Лоренцо вёл её по городу, показывая места, которые любил с детства. Мост Понте Веккьо, где ювелирные лавки сверкали золотом. Сады Боболи, где пахло розами даже в октябре. Базилику Санта-Кроче, где покоились великие.

— Смотри, — сказал он, останавливаясь у могилы Гали-

лея. — Здесь похоронен человек, который доказал, что Земля вертится вокруг Солнца.

— А вокруг чего вертится моя Земля? — спросила Ада шёпотом.

Он посмотрел на неё, взял за руку.

— Вокруг меня. Надеюсь.

Вечером они сидели на крыше отеля, глядя на закат над городом. Купол собора горел золотом, колокольня Джотто тянулась к небу, Арно отражала огни.

— Я не хочу уезжать, — сказала Ада.

— Останься.

— Не могу. Работа.

— Я знаю. — Он вздохнул. — Но теперь у нас есть это. И мы будем приезжать сюда снова и снова.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он достал из кармана маленькую коробочку. У Ады сердце остановилось.

— Лоренцо...

— Не бойся, это не кольцо. — Он улыбнулся.

Он открыл коробочку. Внутри лежала старинная брошь в виде серебряной ветвь оливы с крошечным бриллиантом в центре.

— Это моей бабушки. Она просила передать её той, кого я полюблю по-настоящему. Я хочу, чтобы она была у тебя.

Ада смотрела на брошь, и слёзы текли по щекам.

— Я не могу... это слишком...

— Можешь. — Он приколот брешь к её платью. — Теперь ты часть нашей семьи. Навсегда.

Она бросилась ему на шею, целовала его лицо, губы, глаза.

— Я люблю тебя, — шептала она. — Я так тебя люблю.

— И я тебя. Моя Ада. Моя северная звезда.

Самолёт взлетал на закате. Ада смотрела в иллюминатор на Флоренцию, которая становилась всё меньше и меньше, и чувствовала, как сердце разрывается между двумя мирами.

Телефон завибрировал. Сообщение от Лоренцо: «Ты увезла моё сердце. Верни его в целости».

Она улыбнулась сквозь слёзы и набрала ответ: «Оно в надёжных руках. Как и моё — в твоих».

Самолёт набирал высоту, унося её в Нью-Йорк, в работу, в другую жизнь. Но внутри неё уже жила Тоскана — с её холмами, вином, закатами и его глазами.

И Ада знала: это только начало.

Нью-Йорк, две недели спустя

Город встретил её дождём и привычным ритмом. Съёмки, интервью, встречи. Дни летели, заполненные до краёв, но по ночам, когда она оставалась одна в своей огромной квартире, мысли возвращались к нему.

Они говорили каждый день. Лоренцо звонил по утрам, когда в Нью-Йорке была ночь, и они могли болтать часами. Он рассказывал о виноградниках, о новом урожае, о матери, которая спрашивала, когда Ада приедет снова. Ада рассказы-

вала о съёмках, о капризных фотографах, о смешных случаях на подиуме.

— Я скучаю, — говорил он.

— Я тоже.

— Приезжай на Рождество.

— Приеду.

Однажды вечером, после особенно тяжёлого дня, Ада сидела на балконе, укутавшись в плед, и смотрела на огни города. Телефон зазвонил — Лоренцо.

— Ты где? — спросил он.

— Дома. На балконе. Мёрзну и смотрю на Нью-Йорк.

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Просто закрой.

Она закрыла. В трубке было слышно его дыхание и какой-то шум.

— А теперь открой.

Она открыла и замерла.

На балконе соседнего небоскрёба, всего в нескольких метрах от неё, стоял Лоренцо с телефоном у уха и улыбался во весь рот.

— Ты... как? — выдохнула Ада.

— Я соскучился. Решил, что хватит ждать.

Она закричала от счастья, выронила телефон, бросилась вниз, через квартиру, в лифт, на улицу, через дорогу — и через пять минут уже висела у него на шее, целуя его лицо,

губы, глаза, всё подряд.

— Ты сумасшедший! — кричала она сквозь смех и слёзы.
— Совершенно сумасшедший!

— Это ты меня сделала таким.

Он обнимал её, и ночной Нью-Йорк светился вокруг них тысячами огней, и Ада вдруг поняла: вот оно. Счастье. То самое, которое она искала всю жизнь.

Оно было здесь. В его руках. В его глазах. В его сердце.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Я знаю. — Он улыбнулся. — И я тебя. Навсегда.

Глава 7. Рождественский свет

Нью-Йорк готовился к Рождеству.

Ада стояла у окна своей квартиры на пятьдесят третьем этаже и смотрела, как город внизу переливается тысячами огней. Рокфеллер-центр уже зажёл главную ёлку, на улицах толпились туристы с пакетами из дорогих магазинов, из каждой кофейни несло глинтвейном и имбирным печеньем. Праздник витал в воздухе, оседал снежинками на тротуарах, звенел колокольчиками у каждого входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.